

INSPIRIA

«Искрящиеся жизнью диалоги, приятные персонажи, эта книга идеальна для того, чтобы встретиться и обсудить ее за чашкой чая».

KIRKUS

В СТРАНЕ ЧАЙНЫХ ЧАШЕК

МАРЬЯН КАМАЛИ

INSPIRIA

Марьян Камали

В стране чайных чашек

Серия «Novel. Серьезная любовь»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68963073
В стране чайных чашек: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-184552-0*

Аннотация

Дария считает, что идеальный подарок на двадцатипятилетие дочери – найти ей идеального мужа. Но Мина устала от бесконечных попыток матери устроить ее личную жизнь.

Мина провела детство в Иране, а взрослую жизнь начала в Нью-Йорке. Ее семья уехала из раздираемого политическими противоречиями Тегерана, и Мина как никто знает, что значит столкновение культур.

А еще она знает, что главные столкновения, как правило, происходят дома, с близкими.

Когда Дария и Мина отправляются в поездку к родственникам в Иран, они заново учатся понимать друг друга и свои корни.

Но когда Мина влюбляется в мужчину, который кажется Дарии очень, очень неправильным выбором, мир в семье вновь может быть разрушен.

«Искрящиеся жизнью диалоги, приятные персонажи, эта книга идеальна для того, чтобы встретиться и обсудить ее за чашкой чая». – Kirkus

«Лирично, ярко, проникновенно. У матери и дочери, Дарии и Мины, разное отношение к жизни в западном обществе, и тем примечательна их общая тяга к корням, к Ирану.

Это история о людях, которые принадлежат сразу двум культурам, двум мирам». – Publishers Weekly

«Марьян Камали прекрасно передала атмосферу – виды, звуки, запахи Тегерана. Юмор, романтика и традиции прекрасно сочетаются в этой истории». – Booklist

Содержание

Часть I. 1996	7
1. Приглашение на чай	7
2. Жених в бежевом костюме	34
3. Картотека	46
4. «Разговоры по душам» и повышение квалификации	55
5. Приемы работы с электронными таблицами	71
6. Самса[9] и кимбап[10]	80
7. Да здравствует анализ, долой самоанализ!	90
8. Короткий дефис	103
9. Кафе за углом	112
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Марьян Камали

В стране чайных чашек

Эту книгу я посвящаю своим родителям с благодарностью за их безграничную любовь

Marjan Kamali
TOGETHER TEA

Copyright © 2013 by Marjan Kamali
All rights reserved

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть I. 1996

1. Приглашение на чай

Мина́ еще не совсем проснулась, когда ее мать Дария позвонила, чтобы сообщить – она нашла отличный подарок дочери на двадцатипятилетие.

– Его зовут мистер Дашти, – сказала Дария, слегка задышавшись, как после быстрого бега. – У него два высших образования: степень доктора философии и диплом школы делового администрирования. Кроме того, он сын троюродного брата Резы-шаха¹. Сейчас мистер Дашти живет в Атланте. У него отличное здоровье и превосходные зубы. Он будет у нас в следующее воскресенье во второй половине дня – я пригласила его к чаю, чтобы решить все вопросы. Пожалуйста, Мина, давай на этот раз без фокусов, ладно? Я все рассчитала... И надень свое лавандовое платье с новым поясом, договорились?

Повесив трубку на рычаг, Мина скользнула обратно под одеяло. Еще один потенциальный жених. Еще одно воскресенье кошке под хвост. Теперь ей придется провести вечер

¹ Вероятно, имеется в виду Мохаммед Реза Пехлеви – последний шах Ирана, правивший с 1941 по 1979 г. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

выходного в материнской гостиной, кивая и улыбаясь совершенно незнакомому мужчине, а ее родители, надев лучшие костюмы, будут из кожи вон лезть, стараясь угодить гостю.

Выходить замуж Мина не хотела. Она хотела окончить курс делового администрирования и отправиться в горы, чтобы с утра до вечера рисовать небо и цветы, долины и склоны. Но сначала ей нужно было подготовиться к экзамену по оперативному управлению производством.

В конце концов Мина все же заставила себя встать. Отправившись на кухню, она вскипятила воду и заварила чай по способу матери: залив заварку кипятком, Мина сняла с продолжавшего кипеть чайника крышку и поставила вместо нее заварочный чайник, чтобы горячий пар продолжал нагревать настой. Заварочный чайник она накрыла полотенцем, чтобы не расходовать тепло впустую. Заварка, кстати, тоже была составлена по рецепту Дарии: «Эрл грей», смешанный с какими-то таинственными травами.

Снова зазвонил телефон.

– Что еще, Дария? – В последние пару лет Мина старалась как можно чаще называть мать просто по имени. Это был ее способ хоть как-то противостоять постоянному контролю, который действовал ей на нервы. Способ был так себе, но Мине казалось – она должна что-то делать.

– Мина, это твоя мама. Я хотела только сказать...

– Да, я знаю. Очередной потенциальный муж. Приедет в воскресенье. Я не хочу с ним встречаться, Дария!

– Не говори глупости, Мина! Ты непременно должна с ним увидеться. А звоню я потому, что хотела лишний раз напомнить, что сегодня у меня очередные «математические посиделки», а я немного простыла, поэтому все утро ела сырой лук. Твой отец говорит, что это природный антибиотик, и... В общем, ничего серьезного, так что можешь не бояться заразиться. Приезжай к нам сегодня в четверть пятого. И не опаздывай!

Дария несколько раз чихнула, и Мина представила, как она вытирает нос платком, который много лет назад мамина мама и ее бабушка Меймени расшила крошечными лимонами и гранатами. Потом Дария пробормотала, что ей нужно заниматься делами и что Мина обязательно должна приехать.

– Будем вместе пить чай, – сказала она. – Как всегда.

Каждую субботу подруги матери Кавита Дас и Юн-ха Ким приезжали к ней, чтобы позаниматься математикой, что тоже сопровождалось чаепитием. Все три женщины жили в Квинсе и обожали математику. В последнее время Дария осваивала «Эксель»; ей ужасно нравилось вводить цифры в ячейки электронных таблиц, составлять диаграммы и графики, но и более сложных расчетов она не избегала. Напротив, для нее не было ничего интереснее, чем решать заковыристые уравнения и интегралы.

Математика была ее давней любовью. Еще в Иране, когда Дария была студенткой, она получала по математике толь-

ко отличные оценки и мечтала стать профессором, но потом она вышла замуж и родила троих детей, а через три года после Исламской революции – в 1982-м – вся семья переехала в Америку. Муж Дарии и отец Мины, хотя и был по образованию врачом, был вынужден устроиться на работу в пиццерию, где он месил тесто и готовил томатный соус: в США его иранский медицинский диплом не имел никакого значения. Больше года он учился по ночам и даже на работе использовал каждую свободную минуту, чтобы заглянуть в медицинский журнал. И его усилия не пропали даром – в конце концов он успешно сдал экзамен на американскую врачебную лицензию. Теперь он снова был врачом и работал в больнице на Лонг-Айленде, лечил гастриты и язвы желудка, кишечные расстройства и заболевания желчного пузыря и был бесконечно доволен своими пациентами, своим собранием медицинской литературы и своими любимыми сэндвичами с индейкой и помидорами и кукурузными чипсами. Но больше всего на свете ему хотелось, чтобы его жена тоже была довольна и счастлива. Первые годы жизни в Америке не принесли Дарие радости, поэтому муж предложил ей возобновить занятия математикой.

«Ты должна заниматься тем, что тебе нравится, – заявил он однажды за ужином. – Не стоит и дальше отказывать себе в удовольствии. Я знаю, ты любишь математику, это твоя страсть – но где она в твоей жизни? Недаром говорят: если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Ты должна

сосредоточиться на математике. Возможности на самом деле есть, много возможностей, их нужно только схватить и не выпускать больше!»

С этими словами он вскочил со стула и с торжеством воздел над головой сжатую в кулак руку, словно и вправду пытался поймать какую-то ускользающую возможность.

Мина и два ее старших брата, Хуман и Кайвон, молча смотрели на это представление, меланхолично жуя фаршированные баклажаны. Где-то в конце восьмидесятых отец открыл для себя видеоуроки какого-то то ли гуру, то ли тренера-психолога, которые якобы могли помочь каждому человеку повысить качество жизни. С тех пор он буквально заиклился на «правильной самооценке», на «чувстве собственного достоинства», постоянно цитируя излюбленные высказывания своего кумира.

«Но я не занималась математикой уже много лет, Парвиз!» – возразила Дария, пытаясь подцепить вилкой тонущий в подливке баклажан. После переезда в Америку она несколько лет проработала в химчистке, где занималась починкой одежды и белья.

«Это совершенно не важно! – Отец снова ткнул кулаком воздух, потом громко хлопнул в ладоши. Эти движения тоже были на пленке, которую он вместе с другими кассетами заказал через телевизионный “Магазин на диване”. – Прошное не должно определять твое настоящее и будущее. Если ты во что-то очень веришь, значит, тебе под силу это осуществить.

Реализуй собственное желание, и твоя жизнь заблестит новыми красками!»

Дария смотрела на мужа сквозь выступившие на глазах слезы и, отложив вилку, кивала как ребенок. Она была тронута до глубины души. Остаток вечера был посвящен тщательному обсуждению различных планов, которые должны были помочь ей заполнить свою жизнь математикой. Мина, Хуман и Кайвон с удивлением наблюдали за тем, как их родители сидят за обеденным столом и оживленно обсуждают какие-то не совсем понятные вопросы. Отец что-то яростно черкал в блокноте и, вырвав исписанную страницу, принимался за следующую. Дария снова и снова заваривала чай, будучи совершенно уверена, что без традиционного напитка никакой успешный мозговой штурм невозможен. Время от времени Парвиз вскакивал со стула и принимался метаться по комнате туда или сюда или проделывал серию прыжков «звездочкой». Он считал, что эти упражнения – особенно если во время прыжка ему удавалось сделать ногами «ножницы» – придают ему дополнительную энергию.

В конце концов Мина и братья потихоньку вышли из столовой, оставив родителей решать их непонятные проблемы. Час был поздний, и они молча разошлись по комнатам, чтобы лечь спать.

На следующее утро за завтраком Парвиз постучал ложечкой по своему стакану, призывая детей к вниманию.

«Послушайте внимательно, что я вам скажу! Начиная с

сегодняшнего дня ваша мама каждый субботний вечер будет заниматься своим любимым делом – математикой. Для этого она будет приглашать к нам домой своих подруг. Таким образом, каждую субботу наша гостиная будет превращаться в... в математическую «фабрику идей». Прошу иметь в виду: это не пустяк, не пустая забава, поэтому от вас требуется не мешать маме и ее подругам. Пока они занимаются, вам категорически запрещается шуметь, бегать по дому и ссориться. Если хотите, вы тоже можете участвовать в этих семинарах, но только при условии, что вы будете приходить на них подготовленными, а главное – закончив все дела и сделав школьное домашнее задание. Повторяю еще раз: никакого шума, ничего, что может помешать вашей маме. Жить со страстью – это действительно важно. Мы все должны помочь ей и сделать все, чтобы она могла утолить свое желание. *Фахмиден?* Понятно?»

Хуман, который в тот год учился в последнем классе старшей школы, утвердительно кивнул и отправился на тренировку по баскетболу. Пятнадцатилетний Кайвон пробормотал «Круто!» и, поцеловав мать в лоб, нацепил наушники своего кассетного «Уокмена», прибавив громкость. Мина разобрала пробивающуюся сквозь поролоновые шарики мелодию популярного хита британской группы «Тиэрз фо фиэрз».

«А ты, Мина?... – проговорила Дария неожиданно севшим голосом. – Ты согласна соблюдать эти правила, чтобы я мог-

ла утолить... — Она повернулась к мужу. — Что я должна утолить, Парвиз?»

«Свое страстное желание», — подсказал отец, благосклонно кивнув.

«Ах да! Мое желание», — повторила Дария.

Прежде чем ответить, Мина посмотрела в карие глаза матери и подумала, что сейчас она выглядит непривычно робкой и уязвимой.

«Конечно, согласна». — С этими словами Мина забросила на плечи свой рюкзачок и отправилась в школу. Шагая по улице, она думала о торжественной речи отца и о просьбе матери соблюдать новые правила. Должно быть, для Дарии это было действительно важно: каждую субботу приглашать к себе подруг, чтобы вместе решать уравнения и задачи. И уже не в первый раз Мина задумалась, какими были бы ее родители, если бы они не перебрались из Ирана в Америку.

В тот же день вечером Дария под села к телефону и, держа на коленях свою черную записную книжку, обзвонила всех подруг. Подруг у нее было больше десятка, но тратить субботние вечера на уравнения и формулы согласились только двое — Кавита и Юн-ха, такие же иммигрантки, как и сама Дария. С тех пор они втроем каждую субботу собирались в ее доме, пили чай и усердно занимались математикой. Правда, начинать им пришлось чуть не с самых азов, поскольку за прошедшие годы они многое позабыли, так что в первые полгода «математических посиделок» Мина даже кое-что пони-

мала, однако мать и ее подруги «проходили» один учебник за другим, и вскоре задачи, которые они решали на своих субботних собраниях, стали для нее слишком сложны. Дария, правда, пыталась уговорить дочь не бросать занятия. «Посиди с нами, Мина-джан, – говорила она. – Я все тебе объясню, и ты увидишь, как прекрасна математика!» Увы, никакой особой красоты в уравнениях и формулах Мина не видела, поэтому старалась под тем или иным предлогом увильнуть от дополнительных занятий скучным предметом.

На очередное Рождество (которое никто из подруг не праздновал, поскольку Дария была мусульманкой, а ее подруги – индуисткой и буддисткой) Парвиз подарил каждой из них по электронному финансовому калькулятору с возможностью печати. Дария даже заплакала, когда открыла сверток и увидела маленькую машинку, снимок которой она несколько раз разглядывала в каталоге новинок. После этого субботние занятия сделались еще более продуктивными, так что два года спустя Дария подала заявление на вакансию кассира в местном отделении крупного банка. Мине она несколько раз говорила, как ей нравится вводить в калькуляторе разные цифры и получать правильный ответ, как приятно ей слышать жужжание, с которым появлялась из калькулятора бумажная лента с напечатанными на ней символами. В том, как складывались друг с другом числа, ей виделось нечто большее, чем действие строгих математических законов. Определенность и предсказуемость результатов позво-

ляли ей с уверенностью смотреть в будущее семьи, создавая приятную иллюзию, будто этим будущим можно в какой-то степени управлять.

Допив чай, Мина достала из холодильника немного арахисового масла. Ее крошечная квартирка находилась в Верхнем Вест-Сайде неподалеку от кампуса Бизнес-школы Колумбийского университета. Дария была очень рада, что ее дочь избрала своей специальностью деловое администрирование и скоро получит степень магистра. Сама Мина хотела быть художником, но мать считала, что дети из семьи Резайи непременно должны получить востребованную, высокооплачиваемую работу. А поскольку Мине не нравились ни медицина, ни юриспруденция, ни прикладные науки, ей пришлось искать себя в бизнесе. Бизнес, впрочем, ей тоже не нравился. Да, она понимала, что члены семьи Резайи – как все иммигранты – должны сами заботиться о собственном благосостоянии, о престиже и, самое главное, о том, чтобы обеспечить свое будущее в чужой стране. А живопись – увы! – вряд ли могла служить достижению этих целей. Как говорила Дария, заниматься искусством означает стоять в старых туфлях на углу улицы, шмыгать от холода носом и надеяться, что тебя заметят. Искусство, добавляла она, пристало капризным, ветреным, непостоянным и ленивым. И оно, безусловно, не годится для дочери иммигрантов, покинувших родину, где растут лучшие в мире гранаты, ради того,

чтобы строить новую жизнь в Америке.

Арахисовое масло Мина ела ложкой прямо из банки. Потом она убрала банку обратно в холодильник, где стояли аккуратные ряды пластиковых пищевых контейнеров, которые привезла ей мать в прошлый свой приезд. В контейнерах хранились салат оливье с цыпленком, нарезанный треугольниками открытый пирог с сыром и яйцами, отбивные в густом томатном соусе, долма в виноградных листьях, желтый плов с ягодами барбариса и кисло-сладкий *фесенджан* – мясные шарики в густом орехово-гранатовом соусе. Еды было очень много, ее могло бы хватить на неделю для двух таких, как Мина, но можно было побиться об заклад – не пройдет и трех дней, как Дария снова появится на пороге ее квартиры с двумя объемистыми сумками. Подумав об этом, Мина невольно улыбнулась. Ни при каких условиях она не могла бы съесть все, что привозила ей мать, до следующего ее приезда. С другой стороны, ни одно блюдо из ресторанов быстрого питания не шло ни в какое сравнение с тем, что приготовили умелые руки Дарии.

В машине Мина включила радио и настроилась на программу новостей. «Иран» упоминался исключительно в контексте «мирового терроризма», «нарушения прав человека», «исламского тоталитаризма» и прочих гнусностей. Ах, как хотелось ей хоть раз услышать, чтобы ее родную страну называли «благодатным краем», «государством свободы и радо-

сти»!.. Но ее надежды были тщетны. В конце концов она не выдержала и переключила приемник на волну ретрошлягеров шестидесятых и семидесятых, попав на песню «Ты тот, кто мне нужен» из фильма «Бриолин», которую Джон Траволта пел вместе с Оливией Ньютон-Джон.

Впервые Мина услышала эту песню еще в Тегеране, когда ей и ее лучшей подруге Бите было по девять лет. Они танцевали под нее десятки раз – в гостиной, в кухне, на кровати в спальне, между розовых кустов в саду. Эту песню они включали где угодно, но только не на улице, где их могли бы арестовать. В те времена Мина мечтала выйти за Траволту замуж. Его фотографиями были увешаны все стены в ее спальне. Бита тоже повсюду носила с собой фотографию актера, пряча ее под головным платком. Контрабандную кассету они запускали сотни и сотни раз и тысячи раз клялись, что останутся подругами навечно, что бы ни случилось. С тех пор прошел, казалось, миллион лет.

Мина перестроилась на другую полосу, и водитель ехавшей следом машины раздраженно засигналил. Она понятия не имела, где теперь Бита. Вечная дружба продолжалась, пока в стране не произошла Революция и пока последовавшая война не вынудила одну из них бежать за границу. Вечная дружба закончилась тем, что одна из них стала американкой, а другая осталась жить, или, вернее, выживать, в Исламской республике с ее новыми жестокими порядками.

Мина повернула и выехала на мост, соединяющий Ман-

хэттен и Квинс. Последнее письмо от Биты пришло через год-полтора после того, как семья Резайи переехала в Штаты. Тонкая прозрачная бумага письма была плотно обклеена стикерами «Потри и понюхай» с фруктовым запахом. Интересно, если она потрет их теперь, будут ли они по-прежнему пахнуть свежей летней клубникой и лимонами?..

Мина выключила радио.

Уперев руки в бока, мать ждала ее у входных дверей. Она была в розовом домашнем халате, а ее рыжие волосы были, как всегда, собраны в пучок на макушке.

– Я вижу, тебе уже лучше! – крикнула ей в окно Мина, въехав на подъездную дорожку.

– Да, только, пожалуйста, не целуй меня – я вся провоняла луком, – ответила мать, но Мина, выбравшись из салона, все равно чмокнула ее в щеку.

– Что ты сделала со своими волосами? – как всегда спросила Дария.

В гостиной Кавита и Юн-ха пили чай с пахлавой. Кавита была приземистой, полной женщиной с блестящими черными волосами и руками, загрубевшими от работы: в течение многих лет она отскребала ванны в отеле, расчесывала волосы дочерей и перекапывала неподатливую землю в крошечном садике своего дома в Джексон Хайтс, пытаясь выращивать цветы. Юн-ха была миниатюрной и худой. Она все-

гда очень хорошо одевалась и не пренебрегала косметикой – Мина еще ни разу не видела ее в туфлях на низком каблуке или без чулок.

Едва войдя в комнату, Мина сразу поняла, что настроение у всех троих приподнятое – очевидно, им удалось решить какую-то особенно сложную математическую задачу. Черные вьющиеся волосы Кавиты были в полном беспорядке, а насурьмленные глаза Юн-ха сверкали как алмазы. Увидев Мину, они по очереди обняли ее, расцеловали, дружески ущипнули за щечку и засмеялись.

– Сегодня мы решали кое-какие интегральные уравнения! – сообщила Кавита своим высоким голосом. – Ничего особенного, просто повторяли основы... Мы использовали метод интегрирования для расчета общих затрат на основе переменных издержек.

– Да, но мы также учитывать постоянные издержки! – вмешалась Юн-ха. По-английски она говорила быстро, слегка задыхаясь – совсем как спортсмен, который только что пробежал спринтерскую дистанцию, – но не очень правильно. – Не забывать, мы также учитывать фактор постоянные издержки!

– Это было прекрасно, Мина, – мягко сказала Дария. – Просто прекрасно! А теперь... – Она взяла дочь за руку и потянула за собой к лестнице на второй этаж, где находился ее кабинет. – Я заполнила таблицу на мистера Дашти. Ты сама увидишь – там все очень точно.

Кавита и Юн-ха помахали Мине на прощание руками и вернулись к своим калькуляторам и пахлаве, и она нехотя последовала за матерью. Подойдя к лестнице, Мина увидела, что на верхней площадке стоит, чуть расставив ноги, ее отец. На его потном лбу поблескивали защитные очки с наглазниками, а в правой руке он держал аккумуляторный шуруповерт.

– Салам, Мина-джан! – Парвиз обнял дочь и, прижав к себе, расцеловал в обе щеки. При этом инструменты, которые висели у него на поясе, впились Мине в ребра. – Я как раз решил привести в порядок ванную, замазать швы и прочее... Что поделать! Если у тебя есть собственный дом, работа всегда найдется.

И он лихо отсалютовал дочери шуруповертом.

Мина отсалютовала в ответ, и Парвиз, повернувшись, направился по коридору к дверям ванной комнаты. Она проводила его взглядом, отметив, как смешно топорщатся у него на поясе разнообразные инструменты.

В «кабинете», или, точнее, в спальне матери стоял большой железный шкаф для документов с двумя отделениями, при виде которого Мина почувствовала, как у нее портится настроение. Она отлично знала, что находится в новеньких пластиковых папках.

– Так-так, минуточку... Где же он?... – Открыв одно из отделений, Дария принялась ловко перебирать папки. – Мистер Ахмади... Мистер Бидар... Мистер Самии... Мистер

Джаханфард. – (Папки были разложены в соответствии с персидским алфавитом.) – Ага, вот и он – мистер Дашти! – воскликнула она, выхватывая из ящика ярко-желтую папку.

Пронзительный скрежет сверла, донесшийся из ванной, на мгновение заглушил ее слова.

– Смотри! – Дария достала из папки листок бумаги и поднесла к глазам Мины. Это была аккуратно распечатанная биографическая справка. – Подруга тетки твоего отца из Атланты прислала мне это резюме после того, как поговорила с женой дяди мистера Дашти. У него просто великолепные данные!.. Мистер Дашти изучал химию в Йельском университете, где получил диплом бакалавра и степень доктора философии, а впоследствии получил еще и степень магистра делового администрирования в Стэнфорде! Кроме того, он любит персидскую музыку и сам играет на сетаре. В настоящее время у него очень хорошая должность в отделении «Кодака» в Атланте – мистер Дашти заведует лабораторией, которая рассчитывает химический состав покрытия для разных пленок. – Дария сложила руки на груди и добавила: – К тому же его мать была настоящей красавицей.

Во время этой маленькой речи Мина рассматривала обои в материнской спальне и пришла к выводу, что обои ей совершенно не нравятся.

– А теперь посмотри сюда... – Дария взмахнула другим листом, озаглавленным «Здоровье, наследственность и семейная история». – Мне понадобилось много часов, чтобы

все выяснить и систематизировать. В его семье не было никаких наследственных заболеваний, можешь себе представить?! Все его родственники абсолютно здоровы. Правда, несколько лет назад одна из его сестер развелась с мужем, но мне сказали, что это было только к лучшему. Постарайся завтра произвести на него наилучшее впечатление, Мина. Ты просто обязана это сделать! Я разговаривала с теткой твоего отца и с ее подругой в Атланте, и обе в один голос утверждают, что для тебя это просто великолепная партия. – Она протянула папку дочери. – Здесь ты найдешь все, что нужно. Статистика не лжет.

Мина с размаху опустилась на кровать. Снизу доносились голоса Кавиты и Юн-ха, обсуждавших интегральное исчисление. Отец перестал сверлить и только негромко чем-то постукивал. Мина знала: Дария очень любит вести подробный статистический учет холостых мужчин из числа иранских иммигрантов, учитывать их личные качества, образование, наследственность, прогнозировать склонность к разводу и так далее. Для этого ее мать даже разработала свою собственную систему, оценивая то или иное свойство потенциального жениха по балльной системе. К примеру, за хорошие зубы кандидату набавлялось пять баллов. Десять баллов вычиталось в случае, если у человека не было никаких ученых степеней, кроме диплома бакалавра. Двадцать баллов добавлялось, если удавалось установить, что кандидат почтительно относился к своей матери. Еще семь баллов кандидат полу-

чал, если умел пользоваться ножом и вилок. Все эти баллы Дария заносила в программу «Эксель», знанием которой (в особенности умением строить на основе табличных данных графики и диаграммы) она весьма гордилась.

Где же та мама, которую она знала в Иране, невольно задумалась Мина. Словно какой-то волшебник заставил исчезнуть ту, прежнюю Дарию Резайи и заменил ее этой полноватой, рыжеволосой, навязчивой свахой. Та мама, которую она помнила по своим детским годам, никогда бы не стала заниматься подобными глупостями. Никогда бы она не стала искать кого-то, кто был бы хорошо знаком с родственниками какого-нибудь образованного холостого мужчины. Ей и в голову бы не пришло возиться с этими дурацкими баллами, звонить в далекие города, посылать неизвестным людям фотографии дочери, чтобы совершенно посторонние мужчины, связанные такими же идиотскими обязательствами со *своими* навязчивыми родственниками, садились в поезда, на самолеты или в собственные автомобили и мчались через полстраны, чтобы принять участие в традиционном чаепитии.

– Но, Дария, я не хочу пить чай с мистером Дашти. Я не хочу с ним знакомиться. Я вообще не хочу выходить замуж, и тебе это прекрасно известно.

Дария открыла было рот, чтобы что-то сказать, но так и замерла, округлив губы в виде буквы «о». Наконец она заговорила, глядя в пространство:

– Моя дочь говорит, что не хочет выходить замуж. Инте-

ресно, правда?.. Что заставляет ее так говорить? Ответ может быть только один: молодость. Молодость и глупость! – Тут она бросила короткий взгляд на дочь, и ее темные глаза сердито блеснули. – Ты должна познакомиться с мистером Дашти, Мина, я настаиваю. Ты хоть знаешь, какой в Америке процент разводов? А известно тебе, как трудно выйти замуж женщине за тридцать? Я проанализировала мистера Дашти и говорю тебе прямо: он очень, очень перспективный кандидат. Во всех смыслах. Забудь о мистере Джаханфарде. Забудь о Бидаре и всех прочих занудах, которые заставляли тебя зевать и проливать чай на ковер. Я о них уже забыла. Кончено. Наплевать и растереть. Их нет, как будто и не было. Но мистер Дашти... Это совсем другое дело, Мина. На этот раз я сделала подробный статистический анализ и получила данные, которые неопровержимо свидетельствуют...

– Но ведь ты его совсем не знаешь!

– Я твоя мать, Мина, и я знаю *тебя*!

– А тебе не приходило в голову, что я могу оказаться лесбиянкой?

– Лесбиянкой? – Дария презрительно фыркнула. – Ты думаешь, я не знаю, кто такие лесбиянки? У нас в Иране их хватало. А знаешь, как мы определяли, кто лесбиянка, а кто нет? На самом деле все очень просто: женщина, которая встречается с женщинами, а не с мужчинами, и есть лесбиянка. У тебя нет подруги, Мина, значит, ты – не она.

Мина вздохнула. Она действительно не была лесбиянкой,

однако у нее не было ни малейшего желания выходить замуж за совершенно незнакомого мужчину только потому, что его средний балл, рассчитанный по материнской системе, оказывался выше среднего. Раздумывая, как бы прекратить этот ненужный разговор, она уставилась на картину на стене, которую Кавита подарила Дарие после того, как ездила в Индию знакомиться со своими будущими зятями. Своих трех дочерей Кавита растила и воспитывала в Квинсе, но однажды ей позвонил из Дели отец и сообщил, что нашел для внучек подходящих женихов. После того как Кавита с ними встретилась (что было чистой формальностью), дело сладилось быстро, и вскоре мужья ее дочерей уже перебрались в Нью-Йорк, чтобы быть вместе со своими индо-американскими женами. К счастью, все трое оказались очень приятными и хорошо воспитанными молодыми людьми, которые к тому же умели прислушиваться к чужим советам. По словам Дарии, они очень быстро справились с культурным шоком, вызванным переездом из Индии в США, и сумели отлично приспособиться к новым реалиям.

– Но, Дария, я ведь еще даже не окончила магистратуру! Зачем мне выходить замуж именно сейчас?

– Затем, что каждому в жизни нужен партнер.

– Мне *не* нужен.

– Тебе так только кажется, а на самом деле... Что будет с тобой, когда я умру? Кто будет заботиться о тебе в старости? Твои братья? Кто будет вытирать тебе нос, если ты за-

болеешь?

– Я сама сумею вытереть себе нос! – сердито отозвалась Мина. – Или попрошу подруг. В крайнем случае расклею на столбах объявления, мол, требуется квалифицированный вытиральщик носов...

– Тебе нужен муж, Мина! Я хочу, чтобы у тебя было...

– ...все, чего не было у тебя? – закончила за нее дочь.

– Нет, Мина, – тихо возразила Дария. – Я хочу, чтобы у тебя было все, что *было* у меня. Я хочу, чтобы ты получила хотя бы часть того, что было подарено мне. Я хочу, чтобы в твоей жизни была страсть, чтобы ты влюбилась так же сильно, как я когда-то...

– Но ведь ты вышла замуж по сговору. Тебя никто не спрашивал. Твои и папины родители просто договорились, и вы...

– Нет, все было немного не так. Да, наши родители договорились, но меня никто не заставлял выходить за твоего отца. Меня... готовили. Поощряли. Не скажу, что у меня был выбор, и все же мне дали достаточно времени, чтобы я могла узнать своего будущего мужа как следует. Я могла не торопиться, и я не торопилась – я присматривалась к Парвизу очень, очень внимательно, пока не убедилась, что он не сделает мне ничего плохого. Кроме того, я очень любила свою мать и была уверена, что она не желает мне зла. Потому что моя мама...

Не договорив, Дария всхлипнула и закрыла лицо руками.

Ее мать погибла во время ирано-иракской войны. Когда начался воздушный налет, она покупала гранаты на рынке в центре города. Авиабомба разнесла лавку торговца фруктами в щепки, от Меймени не осталось ничего – кроме окровавленных лохмотьев. Дария всегда плакала, когда вспоминала об этом.

Мина тоже почувствовала, как подступают к глазам жгучие слезы. Она считала себя отчасти виновной в смерти бабушки, ведь Меймени покупала гранаты для нее! Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы взять себя в руки. В конце концов, Дария не в первый раз оплакивала при ней гибель матери, и Мина считала, что это не повод идти на уступки, как бы глубоко она ей ни сочувствовала.

– Потому что, Мина... – Дария отняла ладони от лица и подняла голову. Щеки ее были мокры от слез, но глаза смотрели спокойно и печально. – ...Мама преподнесла мне самый лучший подарок, который только мать может сделать дочери. Мне тогда было всего девятнадцать, и я была слишком молода и глупа, чтобы понять, *какой* это подарок. Моя свадьба состоялась только потому, что в те времена девушка не могла идти наперекор воле родителей. Прошло много лет, прежде чем я поняла, что мама поступила правильно. В конце концов моя жизнь сложилась очень счастливо, и этим я обязана ей.

Мина подумала о мужчине, который сейчас сидел в ванной на полу и выдавливал на шпатель розовую затирку для

межплиточных швов. Она представила себе его поредевшие волосы, неровные зубы и выпирающий живот, вспомнила его кассеты с записями уроков самопомощи и то, как он постоянно путал слова, когда слушал по радио американские песни. И это – счастье? Это – дар, который Меймени преподнесла дочери? Неужели теперь и Дария желает ей чего-то в этом роде?

– Это нелепо и смешно, – заявила Мина. – Нельзя брать для человека идеального супруга. Откуда ты знаешь, что именно ему нужно? Кто подходит ему лучше всего?..

Дария усмехнулась.

– Браки по сговору существовали в нашей стране много веков. Это давняя, освященная временем традиция. То, как заключаются браки здесь, в Америке, – вот это *действительно* смешно! Как может человек, в особенности молодой и неискушенный в жизни, выбрать себе мужа или жену? Сама посуди: разве ты думала так же, как сейчас, когда тебе было пятнадцать? И я уверена, что, когда тебе будет тридцать, ты будешь смеяться, вспоминая свои нынешние мысли и стремления. В молодости человеку кажется, что он сам все знает и способен принимать правильные решения. Мама говорит: ешь овощи. Мама говорит: рыбий жир полезен. Мама говорит: надень куртку, на улице холодно, но ты не слушаешь, ты отказываешься. Тебе кажется, что и куртка, и рыбий жир – все это не обязательно, но это не так. В конце концов настанет день, когда ты поймешь, что мать знает тебя лучше, чем

ты сама. Именно поэтому она – твоя мать.

– Может быть, ты думаешь, я не понимаю, что ты чувствуешь? – продолжала Дария, и рыжий пучок у нее на макушке несколько раз качнулся из стороны в сторону. – Во-все нет. Когда-то я тоже плакала по ночам, как и ты сейчас, потому что не знала, как мне быть. Я не хотела выходить замуж, к тому же твой отец мне вовсе не нравился. Я хотела получить ученую степень и стать профессором математики. Я была уверена, что сумею сделать фундаментальное открытие, сформулировать важную теорему или найти решение проблемы, которое до меня никто найти не мог. Тогда мне и в голову не могло прийти, что каждую субботу я буду сидеть в гостиной с Кавитой и Юн-ха и решать уравнения, которые никто никогда не увидит. Я и представить себе не могла, что *не* стану знаменитым математиком, поэтому, когда мама познакомила меня с Парвизом, я его возненавидела. И Меймени я тоже возненавидела за то, что она навязывает мне совершенно незнакомого, малосимпатичного мужчину. В течение нескольких месяцев или даже лет я злилась и раздражалась и изводила всех, кто попадался под руку...

– Ну и?.. Что же произошло потом?

– Что произошло? Я повзрослела. К тому же твой отец... Он оказался совсем не таким, каким я его вообразила. Он ничего от меня не требовал, а только давал. Он неустанно и самоотверженно трудился, стараясь сделать меня счастливой. Однажды утром я проснулась, посмотрела на него, по-

смотрела на свой раздутый живот, на наш уютный дом и поняла, что на самом деле я – счастливая женщина. И когда несколько дней спустя я услышала по радио о какой-то женщине, которая получила международную премию в области математики, я только рассмеялась. Мне было все равно. Моя жизнь переменялась, я стала другой. Кроме того... Когда умерла Меймени, я пережила это только потому, что рядом был Парвиз. Я осталась жива только благодаря ему. А вот если бы я была профессором математики... Не думаю, что математика могла бы меня спасти.

В задумчивости Дария взяла с туалетного столика щетку для волос и принялась вертеть в руках.

– Кроме того... – продолжила она после небольшой паузы. – Помнишь, когда тебе было восемнадцать, мы пошли в универсальный магазин и я купила тебе джинсовую рубашку? Помнишь, как ты не хотела ее надевать? Ты терпеть ее не могла, а теперь ты носишь ее чуть не каждый день!

– Мистер Дашти не рубашка.

– Он очень хорошо одевается, а его рубашки – настоящий образец вкуса.

– Мама!!! – Внезапно Мина почувствовала под ложечкой что-то вроде щекотки. Это ощущение спускалось все ниже, вплоть до кончиков пальцев на ногах, и она сначала хихикнула, а потом расхохоталась в голос. Она просто не могла ничего с собой поделать. О чем они только спорят?! Какой идиотизм! Мистер Дашти носит стильные рубашки. Ее отец

– драгоценный дар... На мгновение она представила своего отца, перевязанного крест-накрест красной атласной лентой с огромным бантом, и расхохоталась еще громче. Ну и ну!.. Слезы потекли у нее по щекам, когда она подумала о диаграммах и графиках, с любовью и тщанием составленных Дарией. Вот эта зазубренная кривая – это мистер Джаханфард, а эта унылая синусоида – мистер Бидар. А вот и мистер Дашти: его линия напоминает очертаниями не то Эверест, не то собор Парижской Богоматери. Бред!..

– Ой, не могу больше! – Мина схватилась за живот. Ей и вправду казалось, что она вот-вот лопнет от смеха.

И снова Мина подумала об отце. Парвиз Резайи – подарок! Подарок Дарие от бедной мертвой бабушки! О Аллах, всемилостивый и милосердный!

Говорить Мина не могла. Согнувшись пополам, она каталась по кровати, чувствуя, как горят щеки и сводит судорогой живот. Сквозь слезы она взглянула на мать. Широко расставив пухлые ноги, Дария стояла над ней в своем розовом домашнем халате, сжимая в одной руке папку с досье мистера Дашти, а в другой – щетку для волос. Надо лбом Дарии белели седые корешки отросших волос: похоже, ей пора было краситься. Когда их семья сумела вырваться из Ирана, Дария поклялась, что покрасит волосы в рыжий цвет, если им удастся добраться до страны, где никто не будет заставлять ее носить хиджаб. И она сдержала слово. Чуть не в первый день их пребывания в американской гостинице Дария на

полчаса исчезла в ванной комнате, а когда вышла (ее мокрые волосы были замотаны полотенцем), Парвиз встретил жену громкими аплодисментами и восторженными воплями. Пока Дария медленно разматывала полотенце, он смотрел на жену с нескрываемой гордостью и любовью, а потом безропотно отправился в ванную, чтобы смыть со стен и раковины пятна ярко-красной краски. Точно так же он когда-то собирал по всему рынку окровавленные обрывки ткани и все, что осталось от Меймени, после того как иракский летчик сбросил бомбу на магазин, куда та пришла покупать для внучки лучшие в мире гранаты.

Смех Мины прекратился так же внезапно, как и начался. Еще несколько раз она судорожно вздрогнула, но уже беззвучно, потом встала с кровати и повернулась к матери. Дария молча смотрела куда-то в сторону.

– Ах, мама!.. – Мина усадила ее на кровать и вынула щетку из неподвижных пальцев. – Я вот что подумала... Как тебе кажется, может, когда я буду встречаться с мистером Дашти, мне стоит надеть к лавандовому платью белый кардиган?.. – С этими словами она коснулась щеткой седых корешков на голове Дарии и принялась медленно расчесывать ей волосы.

2. Жених в бежевом костюме

Настало воскресенье, и Мина спустилась в подzemку, чтобы доехать до дома родителей (ее машина была в ремонте). У дверей она позвонила, словно была гостем. Дверь открыл Парвиз, одетый в свой лучший костюм-тройку. На шею он повязал галстук с черепашками, купленный в музее Метрополитен (ручная работа!). Волосы у него были еще влажными после душа, к тому же от него исходил густой запах «Олд спайса».

Дария тоже вышла в прихожую. На ней был пошитый на заказ кремовый костюм с юбкой, отчего ее светло-карие глаза казались зелеными. Пучок был в идеальном порядке, губы подведены блеском. При виде дочери, одетой в джинсы и белую рубашку и подпоясанной кардиганом, она слегка нахмурилась, но ничего не сказала.

Потянув носом, Мина уловила доносящийся с кухни запах риса басмати и аромат подливки *гормэ-сабзи*². Похоже, чай с мистером Дашти обещал превратиться в полноценный обед.

Ровно в четверть второго зазвонил дверной звонок, и Дария, бросив половник в раковину, бросилась открывать. Перед дверью она остановилась, несколько раз глубоко вздох-

² *Гормэ-сабзи* – одно из национальных блюд Ирана. Эта подливка включает в себя зелень, петрушку, пажитник и шпинат, иногда свеклу, фасоль и красное мясо.

нула и пригладила ладонями пучок и только потом повернула ручку замка. На пороге стоял невысокий коренастый мужчина с букетом белых и розовых роз, одетый в бежевый костюм. Он был чисто выбрит. Его глаза имели очень красивую миндалевидную форму, что, впрочем, было свойственно многим иранцам. Пряди редких волос были хитроумно зачесаны таким образом, чтобы максимально прикрывать лысину, однако как раз тогда, когда он наклонил голову в знак приветствия, резкий порыв ветра поднял их почти вертикально вверх.

– Мистер Дашти! Какая приятная неожиданность! – воскликнула Дария на фарси, словно приход гостя застиг ее врасплох. – Добро пожаловать! Проходите, мы ужасно рады вас видеть.

Мистер Дашти снова поклонился.

– Я тоже рад знакомству, миссис Резайи. Да сохранит Аллах вас и ваш дом. Мне очень неловко вас затруднять, поэтому простите великодушно, если я доставил вам неудобство.

– О, мистер Дашти, как вы можете так говорить? Гость в дом – радость в дом! Мы очень счастливы принимать у себя столь достойного человека. Очень любезно с вашей стороны почтить вниманием наш скромный кров. Сегодня у нас настоящий праздник. Пожалуйста, входите, все наше – ваше. – И Дария в свою очередь поклонилась.

Весь этот обмен любезностями представлял собой старинный персидский обычай, требовавший произнесения цве-

тистых фраз, демонстрации уважения, лести, самоуничижения, ритуальных жестов и поступков и уклончивых ответов на необязательные вопросы. Дария и Парвиз виртуозно владели этим ритуалом и наслаждались каждым произнесенным словом или фразой, тогда как Мина терпеть его не могла.

– ...Вы доставили нам огромное удовольствие, когда согласились посетить нас в нашем убогом жилище, – продолжала Дария. – Прошу вас, проходите.

Мистер Дашти наконец-то переступил порог и неуверенно огляделся. Заметив Мину, он сразу же отвернулся и стал смотреть на лестницу, которая вела на второй этаж, потом перевел взгляд на стену, потом – на свои сверкающие туфли. От дальнейшей неловкости его спас голос Парвиза, который донесся из-за все еще распахнутой входной двери.

– Очень, очень рад вас видеть, мистер Дашти, сэр! – воскликнул Парвиз, поднимаясь на крыльцо. – Добро пожаловать в наш дом! – И он принялся энергично трясти руку гостя, пока тот в свою очередь выражал свой восторг по поводу знакомства со столь достойным человеком.

Когда оба мужчины оказались в прихожей, Дария наконец закрыла дверь, повернулась и... встретила взглядом с Миной. На мгновение она как будто даже растерялась, но тут же овладела собой и воскликнула:

– О, мистер Дашти! Позвольте вам представить... Это наша дочь, Мина.

Парвиз тоже обернулся, и в течение нескольких секунд он

и Дария переводили взгляд с дочери на мистера Дашти и обратно, словно недоумевая, как получилось, что Мина оказалась дома в тот самый день и час, когда блистательный мистер Дашти почтил их своим присутствием. «Поразительное совпадение!» – подумала Мина не без сарказма.

Мистер Дашти повернулся в ее сторону, однако смотреть на нее прямо по-прежнему избегал. Его шея над воротником рубашки порозовела, потом краснота стала подниматься все выше, пока не достигла лысой макушки. Мистер Дашти поклонился.

– Счастлив познакомиться с вами, – сказал он мыскам своих ботинок.

Мина в отчаянии посмотрела на мать, потом на отца. Оба пытались подсказать ей что-то взглядами, но она никак не могла понять – что именно. Наконец Дария коротко кивнула, и Мина выпалила:

– Спасибо! Я тоже!

Парвиз жестом пригласил гостя в гостиную. Мистер Дашти на цыпочках пересек застланную ковром комнату и тяжело плюхнулся на диван, не рассчитав высоту сиденья. Дария тут же предложила ему орехи и сушеный нут, а Парвиз затеял с гостем светскую беседу. Он спрашивал, как прошел перелет, понравилось ли гостю в Нью-Йорке, как поживают его родственники в Атланте, а также отпустил несколько юмористических замечаний о нью-йоркской погоде и вопиющей некомпетентности городских таксистов. Мистер Дашти веж-

ливо кивал, время от времени издавая согласное мычание, но Мина заметила, что его лоб и подбородок блестят от испарины.

– Что вы хотите, ведь нью-йоркские таксисты – сплошь иммигранты! – вставила Дария таким тоном, словно она была прямым потомком первопоселенцев, прибывших в Америку на борту «Мейфлауэра».

Мина в обсуждении транспортных проблем Нью-Йорка не участвовала, и не только потому, что этого требовал обычай. На самом деле она с нетерпением ждала, когда гостя позвут к столу. «Мы пообедаем, потом, как полагается, выпьем чаю, а потом он уедет домой», – обещала ей Дария, и Мина надеялась, что эта программа будет выполнена в кратчайшие сроки. В конце концов, ей еще нужно было готовиться к завтрашнему семинару по финансовой отчетности. Пока же она исподтишка наблюдала за гостем, который то закидывал ногу на ногу, то снова садился прямо. Бежевый костюм был ему тесноват: мистер Дашти оказался грузнее, чем предсказывали таблицы Дарии. Почему-то Мине отчетливо представились жесткие черные волосы, растущие у него на пальцах ног. Она была уверена, что, женившись, он захочет иметь ребенка уже в первый год после свадьбы, причем непременно мальчика. С таким не поговоришь по душам, проснувшись среди ночи, да и вообще... Наверняка он захочет, чтобы она каждую неделю писала письма на фарси его родным в Иране, причем непременно авторучкой и обязательно – синими чер-

нилами. Он будет требовать, чтобы обед ему подавали очень горячим, а его сын непременно должен будет стать нейрохирургом или знаменитым инженером и жить в Мэриленде со своей женой, которая будет ходить на занятия аэробикой, оставляя Мину присматривать за внуками.

Но Мина не хотела присматривать за внуками, да и Мэриленд ей не нравился.

Вымоченный в шафране золотистый рис был выложен на тарелки ровными рядками. Гормэ-сабзи, хуреш³ с бараниной, красной фасолью, петрушкой, кориандром, зеленым луком и шамбалой источал дивный аромат. На десерт были сушеные персидские лимоны, от которых рот заполнялся приятной кислотой. К тому моменту, когда обед закончился, мистер Дашти, Парвиз и Дария успели обсудить самых известных политиков (шарлатаны, все как один!), погоду (в Нью-Йорке достаточно солнечных дней, но настоящего тепла здесь почти не бывает), экономику (это важно), здравоохранение (это еще важнее!), химию (у них отыскался один общий знакомый – известный профессор, занимавшийся органической химией), иммигрантов (которые заполонили и вот-вот погубят Квинс), кабельное телевидение (абсолютно коммерциализированное вещание, ни уму, ни сердцу) и телепрограмму «Рецепт дня» (идея неплохая, но поварам, которые демонстрируют свои блюда, следовало бы почаще

³ *Хуреш* – в иранской кухне вид тушеных блюд на основе мяса.

мыть ножи и половники и не пользоваться грязными разделочными досками). Участие Мины в застольной беседе свелось к тому, что она сказала «хорошо» в ответ на вопрос, как продвигаются ее занятия, «мне интересно» — когда ее спросили, нравится ли ей в бизнес-школе, и «да» — на предложение положить еще риса. Все три вопроса были заданы ее родителями, пытавшимися таким образом вовлечь ее в разговор. Мистер Дашти, впрочем, тоже становился на удивление косноязычен каждый раз, когда смотрел в ее сторону. На подмышках его бежевого костюма расплылись темные пятна, к тому же он то и дело вытирал лоб мятой салфеткой, которую крепко сжимал в пухлом кулачке.

Наконец Парвиз и Дария поднялись, чтобы убрать со стола. Мина бросилась им помогать, но мать с натянутой улыбкой сказала, что они справятся сами и никакая помощь им не нужна. Было совершенно очевидно, что избежать разговора с мистером Дашти ей не удастся. И пока Дария и Парвиз гремели посудой в кухне, Мина сидела напротив гостя и молчала, прислушиваясь к громкому тиканью старинных часов. Мистер Дашти заговорил первым:

— Э-э... мисс Мина... как поживаете?

Мина вскинула взгляд. До этого момента все говорили на фарси, но эти слова мистер Дашти произнес по-английски, и она удивилась, что в его словах нет ни намека на тот певучий персидский акцент, который отчетливо звучал в речи ее брата Кайвона (когда он этого хотел). Мистер Дашти говорил

по-английски как стопроцентный американец.

— ...Нормально... — машинально откликнулась она, тоже на английском. — То есть я хотела сказать — хорошо.

Гладкий лоб мистера Дашти еще сильнее заблестел в лучах солнца, проникавшего в гостиную сквозь окно. Он кивнул. В кухне заработала посудомоечная машина, и Мина представила, как отец вручную моет медные кастрюли, а мать заваривает для гостя чай.

Слегка прикусив губу, мистер Дашти пристально разглядывал персидские миниатюры на стенах, и Мина неожиданно подумала, что он чувствует себя так же неловко, как и она.

— Мне сказали, у вас есть диплом магистра в области администрирования, — проговорила она наконец. — Надеюсь, вам было не очень трудно его получить?

Мистер Дашти сверкнул глазами и улыбнулся, и Мина подумала, что хотя бы в одном мать не ошиблась: у него действительно были великолепные зубы.

— О нет, нисколько! Учебная программа была очень интересной и полезной. Я учился с удовольствием. — Впервые за все время он посмотрел ей прямо в глаза. — Конечно, пришлось потрудиться, но оно того стоило.

— Да, конечно... — сказала Мина и зачем-то кивнула. Что-то в его манере говорить навело ее на мысль, что ей следовало как-то ему помочь, поддержать, а не усложнять ему жизнь еще больше. В конце концов, кто знает, вдруг дома его ждет такая же Дария или какой-нибудь другой настырный

родственник, который вынудил его сесть в самолет и прилететь в Нью-Йорк, чтобы пить чай с совершенно незнакомыми людьми. Если так, в таком случае они товарищи по несчастью, жертвы одной судьбы. Мине было совершенно ясно, что они видятся в первый и последний раз, и она решила сделать так, чтобы хотя бы остаток вечера прошел более или менее приятно. «Вот бедняга! – подумала она про себя. – Так потеть! И еще этот костюм!»

– Да, учебная программа интересная, хотя и сложная, – сказала Мина чуть громче, чем намеревалась. – Приходится учить много... разного.

– Да-да, совершенно верно, – подхватил мистер Дашти. – Программа очень насыщенная.

Он кивнул и стал снова смотреть на миниатюры на стенах, а Мина разглядывала узор на скатерти.

– А вот и чай! – Дария вошла в гостиную, искусно балансируя подносом, на котором стояли четыре *камарбарика* – грушевидных стакана с черным чаем. Следом за ней появился Парвиз. В одной руке он нес серебряную сахарницу с колотым сахаром, а в другой – блюдо с пахлавой, нарезанной аккуратными ромбиками.

– Да не устанут ваши руки, миссис Резайи, – сказал мистер Дашти. – Еще раз прошу прощения за то, что причинил вам столько хлопот.

– Никаких хлопот, мистер Дашти, – отозвалась Дария. – Для нас большая честь принимать у себя такого гостя.

– Пахлава просто божественная, – сказал мистер Дашти, взяв себе кусочек. – Я никогда не ел ничего подобного!

– Главный секрет в том, чтобы хорошо растереть миндаль. – Парвиз потер палец о палец, словно показывая, как это нужно делать. – И как вымесить тесто. Тесто – очень важно.

Чуть подавшись вперед, мистер Дашти внимательно слушал секреты изготовления хорошей пахлавыв. «Хороший человек, – решила Мина. – Он, безусловно, заслуживает, чтобы у него была добрая, любящая жена». Ей, однако, было очевидно, что она такой женой стать не сможет.

При мысли об этом Мина даже почувствовала себя немного виноватой перед мистером Дашти. Тот, впрочем, вряд ли об этом догадывался. Парвиз продолжал подробно объяснять, гостю, как следует вымачивать тертый миндаль, и пока мистер Дашти кивал, пережевывая второй кусок пахлавыв, Мина обменялась с матерью быстрым взглядом. Она знала, что Дария читает по ее лицу как в раскрытой книге и ей должно быть ясно, что в ближайшее время ни о какой *софрэ*⁴ не может быть и речи.

Чайные стаканы опустели, и Дария снова наполнила их, для чего ей пришлось совершить еще один рейс на кухню. Вернувшись на свое место за столом, она тихонько вздохнула и сложила пополам лежащую на коленях салфетку, потом

⁴ *Софрэ* – традиционная свадебная шелковая скатерть, которую расстилают для жениха и невесты.

еще раз и еще. Мистер Дашти снова поблагодарил ее и Парвиза за «царское» угощение – за обед, чай и пахлаву.

– Не стоит благодарности, мистер Дашти. Нам было очень приятно. Надеюсь, вам понравилось в Нью-Йорке, – сухо ответила Дария.

Теперь уже всем сидящим за столом было ясно, что Мина и мистер Дашти *не* поженятся.

– Желаем приятного возвращения в Атланту, – сказал Парвиз. Это означало, что в их доме мистер Дашти больше не появится.

– Желаем вам всего наилучшего, – поддакнула Дария, слегка приподнимая свой чайный стакан. – Счастья, успехов и долгой жизни. Аллах да помилует вас и ваших сродников.

В молчании все трое допили чай. День клонился к вечеру, и мистер Дашти еще несколько раз поблагодарил хозяев за радушный прием, но плечи его устало сутулились, а голова поникла. Мина, однако, обратила внимание, что его лицо больше не было таким потным, хотя чай, который они пили, был очень горячим. Когда она потянулась за последним кусочком пахлавы, мистер Дашти сделал то же, и их глаза на мгновение встретились. Он, впрочем, тут же отвел взгляд и, убрав руку, вежливо улыбнулся, еще раз продемонстрировав свои великолепные зубы.

Относя на кухню пустые стаканы, Мина подумала, что правильно прочла выражение его лица. На нем было написано не уныние или отвращение, а глубокое облегчение.

Она была абсолютно уверена, что не ошиблась.

3. Картотека

– Он слишком толстый, – сказала Дария. – Ему нужно заниматься спортом, а он... Один бог знает, как ему удалось получить степень доктора философии. Съесть столько пахлавыв за один присест! Нужно же хоть немного соображать! А этот его костюм!.. – Она сморщилась.

– *Бас ас*, достаточно, – вмешался Парвиз. – Хватит, Дария.

Они находились на кухне, убирали посуду и остатки еды. На лбу Дарии пульсировала толстая вена – так бывало всегда, когда ее что-то сильно расстраивало. Кроме того, Мина заметила, что ее пучок растрепался и из него выбилось несколько прядей.

– Я просто хотела сказать... В общем, на этот раз ничего не вышло. Иногда информация, которая поступает ко мне от *некоторых* моих источников, бывает несколько... предвзятой. К счастью, у меня есть еще несколько вариантов.

Незадолго до этого они втроем стояли во дворе, глядя, как такси мистера Дашти выезжает с подъездной дорожки и исчезает в конце улицы. Они помахали ему на прощание и продолжали по инерции махать даже после того, как машина пропала из вида.

– Ничего страшного не произошло, – сказал Парвиз, тщательно вытирая полотенцем серебряные чайные ложечки. –

Жизнь-то продолжается. Нужно двигаться вперед, не оглядываясь на прошлое.

– Конечно, продолжается. Будем идти вперед... В общем, действительно ничего страшного, правда, Мина-джан? Все равно этот мистер Дашти был слишком толстым... – Дария принялась вытирать сковородку.

– Пожалуйста, перестань, мама! Перестань называть его толстым. И перестань навязывать мне женихов, перестань составлять свои таблицы и приглашать к нам в дом незнакомых мужчин. Как ты не понимаешь, что этим ты унижаешь и их, и меня? Я прошу тебя, прекрати!

– Да что с тобой?! – Дария не глядя сунула сковородку в руки Парвизу. – Что это на тебя нашло? Пойдем-ка со мной наверх, я тебе кое-что покажу!

Мину на мгновение посетило ощущение, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим, в какой-то другой семье. И это не ее, а чьи-то чужие родители приглашают на смотрины совершенно посторонних людей. Это делала не мать, которая ее вырастила, которая еще в Тегеране возила ее и братьев на уроки английского и учила с ними классические персидские газели. Это делал не ее отец, который хладнокровно завязывал ей шнурки во время прогулок по тегеранским холмам, учил считать пузыри в лужах во время дождя и играл с ней в шахматы у лагерного костра.

Чувствуя себя так, словно она была привязана к матери невидимой веревкой – которую она хотела, но не могла обо-

рвать, — Мина пошла за Дарией к лестнице и поднялась наверх.

В спальне пахло зелеными яблоками и лосьоном. Письменный стол был в идеальном порядке, недавно отполированное бюро блестело. Единственным предметом, который, казалось, попал в эту комнату по ошибке, был железный шкафчик для документов. Верхнее отделение было открыто, а из выдвинутого ящика торчала желтая папка с «досье» мистера Дашти. Должно быть, утром Дария заглядывала в него, чтобы освежить в памяти какие-то детали.

— Знаешь, Мина, мне очень не понравилось, как он хлюпает, когда прихлебывает чай. Это было как-то очень по-крестьянски. — Дария сложила руки на груди. — Можно подумать, он не очень хорошо воспитан! Ну, ничего, я уверена, что сумею подобрать тебе человека получше.

«Аллах всемогущий, помоги мне!» — подумала Мина, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, а вслух сказала:

— Мистер Дашти — это была твоя идея. Разве не так? — Она очень старалась говорить разумно и по-деловому. — Кроме того, мне двадцать пять лет, и я считаю, что это самое подходящее время для того, чтобы найти свое место в мире, понять, кто ты такая и что собой представляешь. Ну и наконец, молодость — это пора, когда нужно развлекаться и получать удовольствие. Зачем спешить? Муж-дети-кашки-пеленки — *это* от меня никуда не уйдет. Сейчас мне нужно прежде всего окончить бизнес-школу.

– Не говори ерунды, Мина. Конечно, ты ее закончишь. Что касается того, что молодость – время для развлечений, так это вообще полная чушь! Так считают многие американцы, но на самом деле это просто предлог, чтобы продлить детство... Эти поиски себя, своего места в мире... Типичная психочушь, пустая болтовня! Ты хочешь знать, кто ты такая? Я тебе скажу! Ты – моя дочь!

Мина с размаха плюхнулась на кровать.

– Все эти «поиски», о которых здесь, в Америке, так много говорят, на самом деле не что иное, как лень. Обыкновенная лень! А еще способ подольше ни за что не отвечать. Для того чтобы разобраться в окружающем мире, вовсе не нужно ждать десять лет. В чем там разбираться? Просто всем, кто так говорит, хочется подольше оставаться детьми!

Мина посмотрела на желтую папку. Неужели мать всерьез думает, что какой-то мужчина может стать ключевым фрагментом головоломки по имени Мина? Последней переменной, которая заполнит и определит электронную таблицу жизни дочери? Или Дария мечтает создать что-то вроде математической формулы, чтобы с ее помощью понять ее мысли и предпочтения? Ах, если бы мама просто взяла и выбросила эти свои папки! И если бы Мина спросила, почему она так поступила, Дария ответила бы, что ей приходится прилагать слишком много усилий, чтобы готовить каждую встречу-смотрины, которые не приносят результата исключительно потому, что дочь не хочет ей помогать. Хватит, я сдаюсь,

сказала бы Дария и тяжело вздохнула протяжным вздохом матери-мученицы.

Мина знала, что этот вздох погрузил бы ее в хорошо знакомое чувство вины, но это было бы пустяком по сравнению с главным: она была бы свободна. Она освободилась бы от тяжкой обязанности пить чай с незнакомыми мужчинами и смогла бы жить так, как ей хочется.

– Так мы покончили с этими встречами? – спросила она вслух. – Оно ведь того не стоит, не правда ли?

– Дело не в том, стоит или нет, – ответила Дария сухо. – Дело в том, что ты заслуживаешь самого лучшего, вот я и делаю все, что только в моих силах.

По улице за окном промчался автомобиль. Тяжелые басы включенной на всю катушку музыки громом отдались в ушах Мины.

– Вот это... – Дария жестом показала на набитый папками шкаф для документов. – Это то небольшое, что я могу сделать для тебя *здесь*, в Америке. Будь мы *там*, дома, все было бы иначе. Там мы были среди своих. Нас уважали. У нас была налаженная жизнь, были средства... Там мы не были иммигрантами, которым приходится искать счастья среди других иммигрантов. *Там* я могла бы сделать для тебя гораздо, гораздо больше.

Слова матери невольно заставили Мину задуматься. Дария сказала «там мы были среди своих». Но истина состояла в том, что Мина затруднялась сказать, как бы она себя

чувствовала, окажись она сейчас в Иране. Оставленная много лет назад страна часто казалась ей миражом, видением. Когда самолет, на котором они летели, заходил на посадку в Нью-Йорке, маленькая Мина прижималась лицом к стеклу иллюминатора, любуясь сверкающими, как драгоценные камни, огнями огромного города. Быть может, именно в эти мгновения та другая страна перестала существовать? Была ли она в Америке иммигранткой, иностранкой? Мине хотелось думать, что нет. Во всяком случае, Дария всегда называла ее американкой, и она ей почти верила.

Садящееся солнце ложилось на персидский ковер на полу бледными островками света. За окном наступали сумерки, в домах вспыхивали ранние огни. Там лежала Америка, и Мине и ее братьям нужно было прилагать все силы, чтобы укреплять ту хрупкую новую жизнь, которую они создали для себя здесь. Им нужно было следить, чтобы в ее тонкой ткани не появилось ни одной прорехи, через которую может незаметно вытечь все, ради чего они бежали от кошмара Революции и войны: уютный дом, гарантированные конституцией гражданские свободы, удобные продуктовые рынки, безопасные улицы и парки. Да, они должны беречь и сохранять ту американскую жизнь, которую создали для себя с нуля буквально на пустом месте.

– Пора накрывать к ужину, – тихо сказала Мина и, обогнув железный шкаф для документов, спустилась вниз.

На ужин они ели оставшийся от обеда отварной рис с ша-

франом, который Дария превратила в *тахдиг* – поджаренный хрустящий рис, который можно было макать в мясную подливу.

Зазвонил телефон.

– Это тебя, Дария-джан. Юн-ха, – сообщил Парвиз.

Дария взяла трубку.

– Да... Нет... – коротко говорила она. – Хорошо... Ты же знаешь, мои таблицы имеют допустимый предел погрешности.

Мина знала, что ей пора возвращаться в свою квартиру на Манхэттене. К завтрашнему утру ей необходимо было сделать сложный финансовый расчет для семинара, но она чувствовала, что голова совершенно не соображает. Визит мистера Дашти основательно выбил ее из колеи.

После ужина Мина снова поднялась в спальню матери. Как можно тратить столько времени и сил на то, чтобы найти кому-то пару, пусть даже этот кто-то – твоя родная дочь? Неужели Дария так сильно беспокоится, как бы она не осталась незамужней? Или мать просто получает удовольствие, заполняя данными свои таблицы, составляя графики и диаграммы?

Подойдя к шкафу, Мина одну за другой доставала папки с «отработанными» кандидатами и бросала листки с резюме на пол. На многих листах виднелись рукописные пометки и комментарии. «Мать забыла привить его брата от полиомиелита, и он заболел» – было написано на полях жизне-

описания мистера Джаханфарда, и тут же крупно, красным карандашом: «Беспечность!» В другой папке Мина обнаружила информацию о тридцатитрехлетнем банкире, который «курил десять лет, но теперь бросил». «Проверить! Убедиться!» – написала Дария рядом с этими строками.

Когда Дария вошла в спальню, Мина увидела, что ее акkuratный пучок окончательно развалился. Несмотря на свой парадный костюм, который она так и не сняла, выглядела Дария усталой и опустошенной. Перешагивая через папки, которыми был усыпан весь пол, она молча подошла к дочери и опустилась на пол напротив нее. Подтянув колени к груди, Дария резко дунула, пытаясь отбросить свесившиеся на лицо пряди волос. Сейчас она выглядела совсем молодой – такой, какой Мина помнила ее по жизни в Иране. Казалось, на несколько секунд Дария снова стала той матерью, которая бы только рассмеялась, если бы ей сказали, что она будет составлять таблицы с данными вероятных женихов. *Та* Дария сказала бы, что бережет свое время для более важных и интересных дел.

Да, когда-то мама была другой, подумала Мина и тут же вспомнила о мистере Дашти. Она не сомневалась, что он был человеком хорошо воспитанным, порядочным и даже где-то симпатичным, однако даже это не могло избавить ее от ощущения, что сегодняшний день они потратили зря.

– Знаешь, когда-то я смеялась над теми, кто устраивал предварительные встречи с потенциальными женихами, –

проговорила Дария, упираясь подбородком в колени. Взгляд ее рассеянно скользил по грудам распотрошенных папок. – Как же я над ними смеялась!..

Она еще сильнее наклонила голову, и Мина снова увидела отросшие седые корешки ее крашенных волос.

– Ты приготовила финансовый расчет на завтра? – спросила Дария после паузы. – У тебя впереди сложный экзамен. Ты должна готовиться как следует, а не тратить время на ухажеров. Я думаю, это будет самое разумное, – глухо добавила она, по-прежнему упираясь подбородком в колени.

4. «Разговоры по душам» и повышение квалификации

Скорее бы этот день заканчивался, думала Дария, чувствуя, как часто и неровно бьется в груди сердце. Она ужасно устала, но эта усталость не была усталостью человека, который много работал, преодолевал трудности и в конце концов добился своего. Впрочем, в последнее время она довольно часто обманывалась в своих ожиданиях, и чувство разочарования было ей не в новинку.

«В последнее время» означало – с самой Революции. Все эти пятнадцать лет Дария существовала, словно поставив собственную жизнь на паузу. Все эти пятнадцать лет Дария ждала, чтобы в Иране сменился политический режим и она могла бы вернуться к тому, что считала «нормальной жизнью», – к своему зеленому домику в одном из районов Тегерана, стоявшему всего в нескольких кварталах от дома, где жили ее родители. Ей очень хотелось вернуться в мир, где слова «магистр делового администрирования» – пустой звук и где никто не знает, где находится Атланта, но она была в Америке – в другой реальности. Здесь выросли ее дети. Они стали взрослыми, самостоятельными (или, если называть вещи своими именами, излишне дерзкими) и, как ей иногда казалось, более глупыми, чем раньше. Сегодняшний обед с мистером Дашти ничем не отличался от обедов и чаепитий

с другими мужчинами, однако в его спокойствии, в его блестящем от пота лице и великолепных зубах было что-то такое, что Дария почти пожалела о том, что вынудила его прилететь в Нью-Йорк. В его безукоризненно вежливой улыбке было что-то, что заставило ее задуматься о глупости и тщетности ее затеи. А сейчас она чувствовала себя измученной и обессиленной, словно визит мистера Дашти стал последней соломинкой, сломавшей спину верблюда. Чего ради она так надрывалась? Как ей только могло прийти в голову составлять подробные резюме и заполнять таблицы данными о мужчинах, ни один из которых не стоил и кончика ногтя ее дочери?

Что сделано, то сделано, уже не в первый раз подумала Дария устало. Прошлого не изменишь, сделанного не воротишь. Исламская революция изменила ее мир.

В комнату вошел Парвиз. Он уже переоделся в джемпер и джинсы; костюм и галстук с черепашками отправились обратно в шкаф, однако от него по-прежнему пахло его любимым «Олд спайсом». Парвиз пользовался им с тех пор, как привез ее в Америку – эту страну полосатых карамельных палочек, каруселей и легкомысленного отношения ко всем и ко всему.

– Я отвезу Мину домой, Дария-джан, – сказал он.

– Не надо никуда меня везти, – тут же отозвалась Мина. – Утром я прекрасно добралась к вам на метро, на метро и вернусь.

– Уже поздно, – сказал отец и слегка нахмурился.

– Ничего со мной не случится.

– Ну хорошо, тогда я провожу тебя хотя бы до станции.

– Ступай с отцом. Пусть он тебя проводит. – Дария подняла голову. – Идите уже. Марш!

Мина, мрачная и угрюмая, нехотя помахала матери рукой, и Дария подумала, что ее дочери недостает энергии, напора. Или самой обычной уверенности в себе. Но как и куда они пропали – эта ее уверенность, энергия? И что с ней вообще происходит? Вот Мина даже не поблагодарила отца за предложение подвезти, и это было совершенно на нее не похоже, но, порывшись в памяти, Дария без труда припомнила еще несколько случаев, когда дочь вела себя не так, как положено, не так, как от нее ожидали. Неужели она так и не сумела ничему ее научить?

Услышав, как внизу хлопнула входная дверь, Дария снова опустилась на ковер, но на этот раз она не сидела, а лежала, вытянувшись во весь рост и закрыв глаза. Ей вспомнилось, какими высокими были потолки в их доме в Иране. Благодаря этому комнаты казались полными воздуха, да и те, кто в них жил, чувствовали себя свободными, раскрепощенными. Здесь, в домике в стиле кейп-код⁵, как называл этот архитек-

⁵ Кейп-код – традиционный тип североамериканского загородного (сельского) дома XVII–XX вв. Характеризуется симметричностью фасада, деревянной наружной отделкой и мансардными выступающими окнами. Для домов в стиле кейп-код характерен лаконизм, отсутствие декора. Такие дома были разработаны специально для легкого строительства и эффективного энергосбережения.

турный кошмар Парвиз, Дарие постоянно чудилось, что стены грозят ее раздавить, а потолки – обрушиться на голову. Ее сыновья – оба довольно рослые – ходили по комнатам едва ли не пригибаясь, и даже самой Дарие казалось, что стоит ей встать на цыпочки, и она ударится макушкой о потолок.

Потом она подумала о том, какой сад был у ее матери: пышные алые розы, густые лимонные деревья, мягкая трава. Дария хорошо помнила, как отец поливал кусты из шланга и в воздухе плыл запах листвы и пыли, а за высокой оградой нежно позвякивал колокольчик на тележке торговца вареной свеклой⁶.

– *Хуб асти?* Все в порядке? – В дверях, точно по волшебству, снова появился Парвиз. Быстро он обернулся – наверное, повез Мину до метро на машине, а может, она слишком глубоко задумалась и не заметила, как пролетело время.

Знакомая теплая рука ласково легла на ее руку, когда Парвиз вытянулся на ковре рядом с ней. Много лет назад в день помолвки, которая проходила под присмотром Меймени, Дария впервые коснулась его руки. До сих пор она помнила, как ее поразили крупные, пульсирующие вены с наружной стороны его кисти. Дария полюбила эти вены, которые с годами стали еще больше проступать под смуглой сухой кожей.

– *Хуб-ем.* Все хорошо, – ответила она и снова закрыла гла-

⁶ *Вареная свекла* – популярное сладкое блюдо в Иране. Ее накалывают на палочку и едят как чупа-чупс.

за, вспоминая, как они когда-то жили в Тегеране. Тогда их семья была намного больше. Кроме нее и Парвиза, кроме Мины, Кайвона и Хумана, в нее входили ее мать Меймени и отец Ага-хан, сестра Ники, дети сестры, родители Парвиза, его четыре брата и сестра, их дети, пять сестер Меймени и *их* дети и внуки, а также бесчисленные двоюродные и троюродные братья, сестры, тетки, дядья и другие дальние родственники, населявшие огромную территорию от Тегерана до Мазендерана на берегу Каспийского моря. Дарие очень нравилась такая жизнь, нравилось ощущать свою принадлежность – нет, даже не к семье, а к *роду*. Когда она устраивала кому-то из детей день рождения, в гости приезжало порой до сотни человек с подарками, поздравлениями, добрыми пожеланиями и свежими сплетнями.

Кроме родственников – близких и дальних, – были у них и многочисленные друзья, которыми Дария и Парвиз обзавелись еще в университетские годы. Все это были веселые, жизнерадостные люди, которые со временем стали для них почти родными, и Дария очень по ним скучала.

Парвиз то ли вздохнул, то ли шмыгнул носом. Неужели он тоже вспоминает их прежнюю жизнь, скучает по тому спокойствию и стабильности, которые исчезли в одночасье, после того как Революция и война ввергли страну в хаос? Или он просто подумал о том дне, когда под бомбежкой погибла ее мать?

Дария открыла глаза и посмотрела на мужа.

– Боже мой, Парвиз! Что ты делаешь? Качаешь пресс? Неужели ты не можешь хоть на минутку позабыть про свои дурацкие упражнения? Мы... Я думала, мы наконец-то поговорим по душам, а ты...

Парвиз, взмокший и слегка запыхавшийся, с шумом выдохнул воздух.

– Я подумал – несколько скручиваний...

– Ну, знаешь!.. – Дария поднялась с пола и почувствовала, как пояс нейлоновых колготок болезненно врезался в раздавленную талию. Что толку его упрекать, подумала она. Парвизу хорошо в Америке, здесь он счастлив и вряд ли скучает по оставленной родине. «Лови момент и будь счастлив сейчас!» – таким был его нынешний девиз.

Сейчас Дарие больше всего хотелось поскорее снять тесные колготки, надеть пижаму и завалиться спать.

– ...Сорок девять. Пятьдесят! – Парвиз с торжеством выдохнул и быстро вскочил на ноги.

В ту ночь Парвиз заснул быстро. Пока он безмятежно похрапывал, Дария лежала рядом с ним и думала. Вот он всхрапнул особенно заливисто, и она, приподнявшись на локте, посмотрела на мужа. Даже во сне его лицо выглядело спокойным и довольным, и она спросила себя, неужели ему совсем не хочется вернуться. Как он может не скучать по отцовскому дому, где туалет был в саду, а возле бассейна гонялись за бабочками длинношерстные персидские кошки?

И Дария слегка толкнула мужа в плечо. Парвиз громко всхрипнул и, вздрогнув, открыл глаза.

– Ты спишь? – шепотом спросила она.

– Нет, дорогая, я отжимаюсь от пола и делаю прыжки-«звездочки»! Разумеется, я сплю! Ну, в чем дело?.. А-а, понимаю!.. Да забудь ты про этого мистера Дашти. Выкинь его из головы.

– Нет, не в этом дело... Я просто хотела тебя спросить, неужели ты не скучаешь по вашему дому в Тегеране, где удобства были в саду, а у бассейна играли кошки?

– Что-что? – пробормотал Парвиз озадаченно.

– Ваш дом... Ты по нему не скучаешь?

– Нет.

– А почему?

– Потому что туалет там был на улице, а в саду орали коты – вот почему! И вообще, Дария... Снова заводишь свою любимую пластинку – «Ах, как я скучаю по своему старому дому!»? Я тебе уже говорил: нужно жить настоящим, да и вернуться в прошлое все равно нельзя.

– Слушай, я прекрасно обойдусь без твоего любимого самовнушения и приемов самопомощи! – Дария повернулась к Парвизу спиной.

– Но ты же сама хотела поговорить!

– Считай, что у меня просто разыгралась ностальгия. Я... Раньше я никогда не думала, что буду жить в Америке и вычислять, какой мужчина больше подходит моей дочери. Мне

казалось, все будет по-другому. Я думала, что в моем возрасте я буду успешной, состоявшейся женщиной и...

– Но ты и есть состоявшаяся! У тебя трое прекрасных детей, и это ты сумела создать для всех нас новый дом на новом месте. Хуман – врач, Кайвон – юрист, Мина заканчивает бизнес-школу... Мы сумели живыми и невредимыми выбраться из Ирана и стали американцами, а ты к тому же работаешь кассиром в банке. Чего же еще тебе желать?

В ответ Дария только вздохнула.

– Спокойной ночи, Парвиз.

Пять минут спустя он снова захрапел, и Дария невольно подумала, что даже ночной отдых ее муж использует с полной продуктивностью, не отвлекаясь на глупые фантазии. Кое в чем он был, конечно, прав. Дети радовали их своими успехами, и это было, наверное, самым главным, да и она сама работала теперь в банке, что было, безусловно, лучше, чем вкалывать швейей в химчистке, куда она устроилась сразу после переезда в Америку. И все-таки... все-таки... Невольно ей вспомнились студенческие годы. В те времена в Иране лишь очень немногие девушки могли посещать университет. Как ни странно, количество женщин в высших учебных заведениях страны выросло только после Исламской революции, а в те времена Дария была одной из пяти студенток на всем потоке. Парни буквально из кожи вон лезли, стараясь завоевать ее сердце. Цветы. Рестораны. Поездки в кино. Предложения руки и сердца. Дарии приходилось прикла-

дывать значительные усилия, чтобы сосредоточиться на учебе. Лучше всего была, конечно, математика – сложная, захватывающая, наука из наук. Дария с легкостью удерживала в голове цифры, которые казались ей вполне материальными – чем-то, что можно потрогать, поддержать в пальцах, покрутить туда-сюда, даже подбросить в воздух и выстроить в новом, безупречном порядке. Удовлетворение, которое она испытывала, когда ей удавалось расставить цифры так, как следовало, нельзя было сравнить ни с чем другим. Ну, или почти ни с чем.

Иранские мужчины времен ее юности катали Дарию в машинах с открытым верхом, водили на прогулки в холмы. Тегеран в те времена был молодым, современным городом, обещавшим стать поистине великолепным. Шах заявлял, что им взят курс на модернизацию страны. «Белая революция»⁷. Реформы. Вестернизация. И как результат – новый, великий Иран. Как же давно это было! И все же Дария прекрасно помнила новые разнообразные возможности, которые поджидали буквально на каждом углу. Парвиз в те времена был для нее даже не на втором, а где-то на пятом плане. Неуклюжий, худой, с не зажившими еще следами от подростковых прыщей на щеках и подбородке, он был для нее практически пустым местом. Единственным, что выде-

⁷ «Белая революция» – комплекс политических и социально-экономических реформ, проводившихся в Иране шахом Мохаммедом Реза Пехлеви в 1963–1979 гг. Включали в себя преобразования в культуре и аграрной сфере, расширение избирательных прав населения и индустриализацию страны.

ляло его среди прочих ухажеров, был глубокий, звучный голос, почти бас. Его голос и его доброта... Он так заботливо держал ее за руку, так трогательно поддерживал ее, когда они гуляли в холмах! Тем не менее Дария и представить не могла, что когда-нибудь выйдет за него замуж. Она бы и не вышла, если бы не Меймени...

Снова повернувшись к спящему мужу, Дария некоторое время смотрела, как слегка вибрируют от храпа его ноздри, потом, вздохнув, натянула одеяло на его поднимающийся и опускающийся живот. Меймени с самого начала разглядела в Парвизе нечто такое, что пришлось ей по душе. Разглядела и сумела убедить дочь в том, что он сможет стать ей хорошим мужем.

В жизни Дарии начался новый этап.

Прошлого не изменишь, сделанного не воротишь.

Зато теперь у них было трое детей.

Когда ее сыновья были маленькими, Дарию больше всего поражала их неумная энергия. Они постоянно боролись на ковре в гостиной, смахивая на пол инкрустированные деревом и металлом шкатулки и опрокидывая вазы с орехами, которые Дария так тщательно и любовно расставляла на низких столиках, и тогда она мечтала о том, что когда-нибудь у нее будет дочь. Не раз Дария воображала себя мудрой женщиной средних лет, которая сидит в ресторане с очаровательной юной девушкой – своей подростковой доче-

рю. Они будут есть *челоу-кебаб*⁸, запивать чаем, болтать обо всем на свете, сплетничать и делиться сокровенным. Дария станет внимательно слушать, давать советы, поддерживать дочь. Они вместе будут смеяться над забавными глупостями и прочими пустяками, а после отправятся выбирать шелк для платья, чтобы уже дома обсудить самый модный фасон. Она научит ее проводить рукой по пыльным рулонам ткани, чтобы определить качество и плотность, научит правильно кроить, укрепляя таким образом ее уверенность в себе и в своих силах, как когда-то делала ее собственная мать. А в день свадьбы Дария станет смотреть, как танцует ее дочь, и испытывать гордость за нее и удовлетворение от того, что она выполнила свой долг до конца.

Да, так она мечтала, когда была матерью двух маленьких сыновей, которые, сопя, возились на ковре у ее ног. А потом это случилось. После нескольких часов болезненных схваток, от которых темнело в глазах, врач протянул ей мокрый и красный, крошечный, как котенок, комок – ее дочь, и Дария почувствовала одновременно и невероятную радость, и страх, который охватывает человека, когда его давняя мечта наконец-то сбывается.

До сих пор она порой испытывала и ту смешанную со страхом радость, и ту ослепительную боль.

⁸ *Челоу-кебаб* – одно из самых известных блюд иранской кухни. Челоу-кебаб состоит из риса с маслом и кебаба и употребляется с солодовой халвой и помидорами.

Да, некоторые ее мечты сбылись.

А некоторые – нет.

Дария закрыла глаза. Пусть Парвиз поспит, решила она, однако ее рука каким-то образом – почти против ее воли – легла ему на лицо. Почти, потому что на самом деле она *хотела* его разбудить.

– А?.. Что?!! – Парвиз снова проснулся и очумело крутил головой.

– Прости. Я тебя разбудила?

– Да... Да. – Он потер щеку. – Что случилось? Ты меня ударила или?..

– Нет, я просто... Мне просто не спится, и я захотела...

– Я же сказал, забудь ты об этих своих мужчинах! Спи!.. – Он снова опустил голову на подушку и завопил, устраиваясь поудобнее.

– Как ты думаешь, может, я просто ошиблась, когда вводила данные в таблицу? Ну, ты знаешь мою систему с баллами... Что, если именно поэтому мистер Дашти оказался не таким, как я думала? Мне-то казалось, я все делаю правильно, но теперь, похоже...

Парвиз резко сел.

– А-а, вот в чем дело! Я понял. Ты хочешь повисить свою квалификацию. Это просто отлично, тем более что я, кажется, знаю, как тебе помочь. На днях я видел в газете одно объявление... – Теперь он полностью проснулся и преисполнился жадной деятельности. Одеяло было откинута, и Парвиз

спустил ноги на пол. – Где же она?.. Может быть, в прихожей?..

«Я сделала это!» – не без торжества подумала Дария. За считанные секунды ее муж перешел от сна в режим, который она называла про себя «Давай-ка решим эту маленькую проблему как можно скорее!».

– Нужно хватать жизнь за горло, Дария-джан! Ничего нельзя откладывать на потом. – С этими словами Парвиз бросился к письменному столу и, включив настольную лампу, стал рыться в аккуратной стопке почтовой корреспонденции. Спустя примерно пару минут он с торжествующим воплем выхватил из стопки небольшой рекламный буклет.

– На дворе девяносто шестой, Дария-джан, а это значит, что любую проблему можно решить. Ну или почти любую... Дай мне только минутку времени, дорогая.

Дария смотрела, как муж листает буклет. Глянцевые страницы так и шелестели под его пальцами, и она снова подумала, что Парвиз сумел развить в себе недюжинную целеустремленность, которая, впрочем, больше напоминала синдром гиперактивности у детей. Откинувшись на подушке, Дария натянула одеяло повыше. Похоже, она совершила ошибку. Вовсе не этой лихорадочной, деятельной помощи ожидала она, когда жаловалась на то, что чувствует себя несостоятельной. По правде говоря, ей хватило бы и обычного сочувствия.

– Ага, вот оно! Отлично! Смотри, что я для тебя нашел,

Дария-джан! Как раз то, что нужно! Ну, иди же сюда, посмотри...

Вздохнув, Дария откинула одеяло и выбралась из постели. Подойдя к Парвизу сзади, она взглянула поверх его плеча на бумагу, которую он держал в руках. Это оказался рекламный проспект нью-йоркского отделения «Образования для взрослых», который бросили им в почтовый ящик еще в начале месяца. Проспект был открыт на странице публичной библиотеки Квинса, и Дария прищурилась, пытаясь разобрать напечатанный мелким шрифтом текст.

– Я уверен, это именно то, что тебе надо! – повторил Парвиз. – Курсы повышения квалификации. На этих курсах ты получишь новые знания и умения и научишься лучше вычислять процент вероятности тех или иных событий. Посмотри, посмотри!..

Дария послушно посмотрела на то место, куда указывал палец мужа.

«Расписание осенних занятий курсов повышения квалификации “Форест-хиллс”», – прочла она, и ниже: «Особенности и приемы работы с электронными таблицами. Знакомство с различными табличными программами. Средний и продвинутый уровни».

– Ну и ну! – только и сказала Дария.

– Вот именно. Продвинутый уровень! Можно подумать, так и было задумано. А ты что скажешь? Нет, это потом, сначала нужно довести дело до конца! – воскликнул Парвиз с

интонациями своего магнитофонного гуру и, молниеносно выдрав из буклета анкету для регистрации, принялся заполнять ее авторучкой. Он быстро внес в соответствующие строки имя и фамилию Дарии, вписал адрес, номер кредитной карты и срок ее действия.

– Завтра отправлю это с утренней почтой, – пообещал он. – Занятия начинаются уже на следующей неделе. Вот увидишь, это тебе поможет. Ну, кажется, все... А теперь давай спать.

И с той же скоростью, с которой он заполнял анкету для регистрации на курсах повышения квалификации, на которых Дария и учиться-то не хотела, Парвиз запрыгнул обратно в кровать, завернулся в одеяло и через минуту снова захрапел.

Дария некоторое время стояла у стола и смотрела на заполненную анкету. Воздух в комнате остро пах «Олд спайсом», этот запах проникал ей прямо в мозг, мешая думать. «Особенности и приемы работы с электронными таблицами. Знакомство с различными программами». Разве об этом она говорила, разве это имела в виду? Нет, конечно. Но если Парвиз считает, что курсы прибавят ей уверенности...

Что ж, она знала, что нужно сделать. Она должна выбросить анкету до того, как Парвиз успеет ее отправить. Нужно избавиться от нее. Не хочет она ходить на эти глупые курсы. Какая может быть польза от вечерних занятий в захудалой библиотеке?

И вообще – кто сказал, что она *должна* повышать свою квалификацию?

5. Приемы работы с электронными таблицами

Дария шла в публичную библиотеку Квинса. В преддверии очередного районного карнавала улицы были украшены флажками и гирляндами, но настроение у нее было отнюдь не праздничным. Перед дверями высокого кирпичного здания Дария замешкалась. Она по-прежнему не хотела учиться ни на каких курсах, но Парвиз был так уверен, что, став продвинутым пользователем табличного процессора «Эксель», она будет чувствовать себя счастливой, что Дария после долгих размышлений решила все-таки попробовать. Нет, не совсем так... На самом деле она пришла сюда только потому, что на следующее утро после их разговора Парвиз встал очень рано и отправил анкету вместе с полной оплатой курса еще до того, как она успела ее выбросить, а когда через пару дней Дария позвонила по указанному в буклете телефону и попросила отменить регистрацию и вернуть деньги, ей сказали, что по правилам плата за обучение возврату не подлежит. Теперь у Дарии был единственный шанс вернуть деньги – лично встретиться с преподавателем и попытаться убедить его в том, что у нее действительно есть веская причина для отказа от занятий.

Спускаясь в читальный зал по темной пыльной лестнице, Дария почувствовала острую боль в колене, что могло ука-

зывать на начальную стадию артрита или еще какого-нибудь суставного заболевания. Очаровательно!.. Похоже, средний возраст принес с собой только новые неудобства и болячки и ничего приятного и светлого.

Следуя указателям (нарисованные фломастером стрелки на желтом картоне и написанные от руки слова «Курсы изучения электронных таблиц “Эксель”». Преподаватель – Миранда Катилла»), Дария добралась до двери читального зала с матовым стеклом. Повернула ручку, вошла. Похоже, она опоздала, поскольку преподаватель (Миранда Катилла?) уже что-то вещала у дальней стены, а несколько человек, сидевших на складных металлических стульях, что-то старательно записывали. Проклятье! Теперь ей придется ждать конца занятия, чтобы поговорить с Мирандой один на один. Ну и что ей делать? Поворачивать назад было поздно – она уже вошла, и все глаза устремились на нее, а Миранда Катилла, широко улыбаясь, жестом предложила ей занять один из свободных стульев.

Ну что же ей так не везет?!

Миранда Катилла тараторила как заведенная, что, возможно, объяснялось употреблением большого количества скверного кофе с повышенным содержанием кофеина. Даже сейчас она не выпускала из рук большой пластиковый стакан, над которым поднимался легкий парок. Это выглядело как минимум невежливо. Дария никак не могла привыкнуть к тому, что в этой стране люди едят и пьют на глазах у людей,

которые *не* едят и *не* пьют. В Иране такое поведение считалось грубым, почти оскорбительным. Дария не собиралась никого осуждать, однако она считала, что прожила достаточно долго, чтобы иметь право на свое суждение. Так, например, она сразу поняла, что Миранда принадлежит к тому типу женщин, которые в жизни не держали в руках утюга.

Судя по всему, она не слишком опоздала. Миранда Катилла как раз заканчивала свое вступительное слово, пространно разглагольствуя о важности электронных таблиц в повседневной жизни.

– ...Некоторые считают, что «Эксель» нужен только для работы, для бухгалтерского учета и финансовых операций, но это не так. Электронные таблицы помогут вам в любом деле, покупаете ли вы овощи или составляете семейный бюджет. Это один из самых удобных способов суммирования расходов, учета квитанций, составления расписания важных дел и многого другого.

Услышав эти слова, Дария слегка выпрямилась. Они ее как минимум заинтересовали, и она решила, что от нее не убудет, если она просидит одно занятие и будет внимательно слушать, а потом попросит вернуть плату. Бедная Миранда Катилла! Торчит здесь по вечерам, обучая совершенно посторонних людей обращению с табличным процессором, вместо того чтобы найти нормальную работу! Нет, Дария *старалась* быть непредвзятой – «человеком широких взглядов», как выразилась бы Мина, – и после непродолжи-

тельной борьбы с собой она все же решила дать этой дурочке шанс чему-то себя научить. Кто знает, вдруг ей все же удастся узнать что-то полезное. Кроме того, Дария *уже* чувствовала себя чуть менее предубежденной против преподавательницы.

И она полезла в сумочку, чтобы достать ручку и блокнот, но оказалось, что забыла их дома на столе.

– Вот, возьмите, – раздался позади нее шепот.

Обернувшись, Дария увидела какого-то мужчину, который протягивал ей ручку. Он был примерно ее возраста или чуть старше; стройный, подтянутый, с темно-каштановыми волосами и глубокими морщинами в уголках губ. Одет он был в джинсы и клетчатую фланелевую рубашу, которая напоминала куртку лесоруба.

– Спасибо, – пробормотала Дария и взяла ручку, которая оказалась не шариковой, а чернильной. Это ж надо, подумала она, прийти с авторучкой на занятие по электронным таблицам!

Миранда продолжала превозносить до небес свой возлюбленный «Эксель», и ее кудри (несомненно, химическая завивка, как определила Дария) возбужденно подпрыгивали.

– Вот вы... Сэм, кажется? – обратилась она к соседу Дарии. – Можете вы назвать мне какую-то область, в которой вам может понадобиться знание электронных таблиц?

Сэм вернулся к ней.

– Сейчас попробую, мэ... – Голос у него оказался бо-

лее низким, чем можно было предположить по его комплекции. – Думаю, «Эксель» может пригодиться для преподавания музыки. Планы занятий, списки учащихся, оценки... Особенно оценки!

– Преподавателям очень важно уметь виртуозно пользоваться электронными таблицами! – просияла Миранда Катилла. – Важнее, чем многим другим. Ну а теперь включите ваши компьютеры и запустите программу... Думаю, для начала нам следует освежить в памяти основные операции. Как только мы научимся пользоваться базовыми функциями, так сказать, на уровне инстинкта, мы сможем перейти на более продвинутые уровни.

Дария подумала, что Миранда Катилла наверняка понравилась бы Парвизу. Она говорила на его языке – «более продвинутые уровни», «на уровне инстинкта» и так далее. Только потом ей пришлось в голову, что у нее нет компьютера. Об этом Дария даже не подумала, ведь она шла сюда не для того, чтобы изучать табличный процессор, а для того, чтобы попытаться вернуть свои деньги.

Внезапно она почувствовала, как Сэм вплотную придвинулся к ней вместе со своим стулом.

– Хотите, будем работать вместе? – предложил он, открывая крышку своего ноутбука. Его железный стул не производил никаких звуков, не скрежетал по полу, и Дария, опустив взгляд, увидела, что на ножки надеты желтые теннисные мячи. Окинув взглядом комнату, она заметила, что все

стулья читального зала были «усовершенствованы» подобным образом. Именно благодаря теннисным мячам стул Сэма скользил по полу совершенно бесшумно, и Дария почувствовала, что это остроумное решение ей по душе.

От Сэма пахло мылом и чаем – чаем с бергамотом, если точнее. Никакого «Олд спайса». И глаза у него были добрыми. Вот он придвинул стул еще ближе и развернул ноутбук так, чтобы ей был виден экран. Его заботливость напомнила ей Парвиза.

Когда Миранда Катилла уточнила, все ли понимают разницу между столбцами и строками, Дария с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться, но когда преподавательница спросила, действительно ли они сознают, что совершенное владение «Экселем» способно совершить в их жизни «табличную революцию», она все-таки фыркнула, хотя и негромко. Сэм, впрочем, услышал и улыбнулся, подняв брови. Улыбался он совсем не так, как могли бы улыбаться друг другу случайные люди, которых вечерние курсы по изучению табличных процессоров временно свели в читальном зале публичной библиотеки. Нет, он улыбнулся Дарии так, как много лет назад улыбались ей юноши – ее ровесники, с которыми она ходила на прогулки в холмы и которые ухаживали за ней еще до того, как Меймени вручила ей свой последний дар, – до того, как поступки и чувства Дарии оказались расписаны по строкам и колонкам того, что называется взрослой жизнью.

Когда Дария возвращалась домой, вечерний воздух казался ей немного приятнее и чище, чем пару часов назад, когда она шла *на курсы*. О том, почему так произошло, думать ей не хотелось, но, когда она вошла в дом и увидела Парвиза, который сидел на диване и грыз фисташки, Дария почувствовала себя почти виноватой. И это чувство только усилилось, когда в ответ на его вопрос, как все прошло, она ответила:

– О, это было замечательно. Просто замечательно!

Дария так и не попросила вернуть деньги. В конце концов, знания никогда не бывают лишними, к тому же виртуозное владение «Экселем» действительно могло бы помочь ей в работе. Быть может, ее даже повысят и сделают старшим кассиром.

– Тебе правда понравилось? – спросил Парвиз.

– Правда, – кивнула она, стараясь совладать еще с одним приступом вины. Не глядя на мужа, который продолжал лущить фисташки, она поставила на пол сумочку. Ничего не случилось, твердила она себе. Просто на курсах в подвале библиотеки, где преподавала нервная женщина, которая не умела и не хотела гладить одежду, ей улыбнулся незнакомый мужчина среднего возраста. Что тут такого? Дария, однако, не могла лгать себе. Когда она увидела эту улыбку, ее выступающий живот сам собой втянулся, кожа сделалась упругой, мышцы ног снова стали эластичными, как в молодости, а боль в колене исчезла как не бывало. Ей даже не понадоби-

лись очки для чтения, чтобы разобрать таблицу на экране его ноутбука. Ее больше не трогало то, как насмешливо Мина закатывала глаза каждый раз, когда она пыталась «учить ее жизни». Казалось, что и неотступная тоска по матери, убитой на тегеранском базаре случайной бомбой, стала не такой острой, как раньше, и на несколько коротких мгновений Дария снова стала собой прежней – юной и беспечной студенткой, которая, стоя на вершине одного из тегеранских холмов, беззаботно смеялась просто потому, что чувствовала себя свободной.

Свободной, как птицы в поднебесье.

Свободной, как горный ветер.

– Значит, тебе понравилось, Дария-джан? – снова спросил Парвиз.

– Да, – коротко ответила она.

– А подробнее?

– Что именно тебя интересует?

– Студенты, преподаватель, обстановка... Что понравилось тебе больше всего?

Дария распустила волосы и потрянула головой.

– Знаешь, они надели на ножки стульев теннисные мячики!

– Теннисные мячики?

– Ну да.

Парвиз замер, не донеся до рта очередной орех. Казалось, он размышляет над ее словами, и это позволило Дарие под-

готовиться к новым вопросам. Прежде чем муж сообразил, что к чему, она опередила его, сказав:

– Так ножки стульев не скребут по полу, когда их двигают.

Парвиз кивнул как человек, которого осенило, потом забросил фисташку в рот и несколько раз хлопнул в ладоши.

– Гениально! – воскликнул он. – Хотелось бы мне знать, что они еще придумают.

Хлопок в ладоши, словно щелчок пальцами, который используют гипнотизеры, вернул Дарию к действительности – в ее дом в Квинсе. Исчез полутемный подвальный читальный зал, исчезли металлические стулья с теннисными мячами на ножках, исчезла клетчатая рубашка и авторучка, которую протягивал ей преподаватель музыки, и даже его улыбка растаяла в полутьме позднего вечера. Снова заныло колено, и Дария почувствовала себя очень, очень усталой.

– Хочешь, погрею тебе молока на ночь? – спросила она мужа, и Парвиз ответил:

– С медом, моя сладкая, с медом.

Он сказал это не просто так, подумала Дария, но, разумеется, ничего особенного Парвиз не имел в виду.

Он всегда так говорил.

6. Самса⁹ и кимбап¹⁰

– Вот самса и чатни из манго, мои дорогие. Я приготовила их своими собственными руками, – так сказала Кавита, вручая Дарие накрытую полотенцем тарелку. – Получилось, по моему, неплохо. Своему Шенилу я так и сказала – мол, если он не научится ценить таланты своей домашней волшебницы, то его обожаемая – *якобы* обожаемая! – жена может *tout de suite*¹¹ отправиться на поиски кого-нибудь вроде Кларка Гейбла для романтических ужинов вдвоем.

Впустив Кавиту, Дария провела ее в гостиную. Была суббота; с тех пор как она начала повышать курсы повышения квалификации, это были уже их третьи «математические посиделки». На курсах в библиотеке Дария сидела рядом с Сэмом. Иногда они разговаривали о том о сем – перед занятиями, после них или во время перерыва, когда остальные студенты выходили на улицу, чтобы покурить или сбежать за кофе в ближайший «Старбакс». Дария и Сэм кофе не пили. Они просто стояли под беззвездным нью-йоркским

⁹ *Самса* – самостоятельное блюдо, схожее с пирожком, произвольной (квадратной, треугольной или округлой) формы с начинкой. Самса популярна в Южной, Юго-Восточной, Центральной и Юго-Западной Азии.

¹⁰ *Кимбап* – популярное блюдо корейской кухни, представляет собой роллы, завернутые в сушеные прессованные листья «морской капусты», наполненные приготовленным на пару рисом.

¹¹ *Tout de suite* (франц.) – очень скоро.

небом и беседовали. Она узнала, что Сэм живет один, что детей у него нет и что он обожает рыбалку нахлыстом. Знать бы только, что это такое, думала Дария. Можно ли ловить рыбу с помощью хлыста? Но как?.. Цеплять на него приманку? Или глушить рыбу ударами хлыста по воде? Непонятно. Впрочем, подробности указанного способа рыбной ловли ее занимали мало, куда больше ее интересовал сам Сэм. Он казался ей типичным американцем.

Довольно часто Сэм рассказывал ей о своих учениках, которым давал уроки игры на гитаре. Не на скрипке. Не на фортепьяно. Не на персидском сетаре, что было бы просто великолепно. Нет, он преподавал гитару, а Дария всегда считала этот инструмент слишком... нет, не примитивным, а как бы простонародным.

– Э-э, ты, похоже, совсем меня не слушаешь! В какие дали тебя унесло? – Кавита визгливо рассмеялась. – Что с тобой, моя дорогая? О чем ты так задумалась?

– Так, ни о чем. Спасибо тебе за самсу, она мне очень нравится.

Кавита приподняла выщипанную в ниточку бровь.

– А вот мне почему-то кажется, что это твой герой-гитарист, который совершенно вскружил тебе голову, заставляет тебя мечтать о совершенно посторонних предметах. Кто бы мог подумать, что наш знаменитый математик Дария Резайи позволит себе увлечься парнем, который обучает детишек музыке? Нет, эта жизнь, наверное, никогда не перестает

нет меня удивлять. Ты и этот музыкант!.. *Une surprise pour moi.*

Дария почувствовала, что краснеет, и поспешно отвернулась. Как-то в одну из суббот, когда, вдоволь поломав голову над очередной порцией уравнений, они подкреплялись чаем, самсой и долмой с рисом, она доверилась Кавите и Юн-ха. Нет, не так... Она *поделилась* с ними своим секретом. Собственно, и секрета-то никакого не было. Подруги поинтересовались, как продвигаются занятия на курсах, а она ответила. Возможно, в ее интонациях звучал излишний энтузиазм; как бы там ни было, подруги в отличие от Парвиза, который искренне верил, что ее интерес к курсам повышения квалификации лежит в плоскости изучения «Экселя» и теннисных мячей на ножках стульев, сразу заподозрили, что на занятиях Дария познакомилась с неким человеком (мужчиной), с которым ей нравится сидеть рядом и изучать плохо скопированные учебные материалы. И сколько бы она ни уверяла подруг, что ничего сверх этого на занятиях не происходит, Кавита и Юн-ха продолжали хихикать, многозначительно закатывать глаза, подмигивать со знающим видом и подначивать ее при каждой встрече. Обе были убеждены, что Дария, как выразилась Кавита, всерьез «увлеклась американским Сэмом» в клетчатой рубашке.

Сама Дария продолжала считать, что подруги ошибаются. Ни о каком «увлечении» не могло быть и речи. Она по-прежнему любила своего мужа. Просто Сэм был другим, только

и всего. Он был спокойным, выдержанным, почти флегматичным. Казалось, его невозможно вывести из равновесия, взволновать, заставить нервничать. Среди иранской диаспоры таких людей Дария знала немного.

Снова раздался звонок в дверь, это пришла Юн-ха. В руках у нее был пластиковый «Таппервер» с кимбапом, или «корейским суси», как характеризовала его сама Юн. За прошедшие годы их «математические посиделки» превратились в своеобразные «математические пикники» с чаем и закусками. Новая традиция пришлась по душе всем, поскольку каждой из подруг нравилось хвастаться знаниями и умениями в области национальной кухни своих стран, а кроме того, все трое были не прочь вкусно поесть.

– В последнее время меня постоянно трясет. Должно быть, это менопауза, хотя, по правде сказать, что-то рановато, – заявила Кавита. – Лицо так и горит, а из ушей как будто дым идет. Когда Шенил начинает надо мной хихикать, мне так и хочется размахнуться и как следует смазать его по физиономии – просто так, без всякого повода, если не считать за таковой этот дурацкий прилив женских гормонов, который начинает мучить каждую порядочную женщину на определенном этапе длинного и трудного пути, зовущегося жизнью.

Дария вздохнула. Лицо Юн-ха сделалось озадаченным. Кавита любила выразиться красиво, а Юн, даже прожив в Америке много лет, по-прежнему говорила по-английски с

трудом, и ей порой было просто не под силу понять, что хотела сказать подруга. Что касалось Дарии, то она в какой-то степени привыкла к цветистым метафорам Кавиты, приписывая этот вычурный способ выражать свои мысли тому обстоятельству, что перед тем, как перебраться в Штаты, последняя долгое время жила в Великобритании. Кавита, впрочем, любила оснащать свой британский английский французскими выражениями, что еще больше мешало понять сказанное. Что касалось ее манеры упоминать о муже как о какой-то грозной и опасной силе, то и Дария, и Юн-ха не воспринимали ее слова всерьез, так как отлично знали, что ее страшный Шенил – совершенно безвредный и приятный в общении профессор биологии, относившийся к жене с трогательной заботой и вниманием. Сама Кавита это отлично понимала, и хотя она часто грозилась, что уйдет к другому, круг ее предполагаемых любовников состоял из Кларка Гейбла, Грегори Пека, Спенсера Трейси и других звезд пятидесятых. Возможно, именно поэтому ее весьма интересовал вопрос, на кого из знаменитостей похож американский Сэм.

– На Хамфри Богарта? – с надеждой спрашивала она.

– А это кто? – удивилась Юн-ха.

– Нет, нет, не на Богарта, – ответила Дария.

– Тогда на Джека Леммона?

– Никакого сходства! На днях я смотрела фильм, который купила в видеомагазине... Как бишь он назывался? А-а, «Преступления сердца»! Сэм похож на одного из актеров –

кстати, тоже Сэма. На Сэма Шепарда, так, кажется, его зовут.

– Кто это? О ком вы говорите? – снова сказала Юн-ха.

– Не важно, – отмахнулась Дария. – Давайте лучше займемся математикой.

Расставляя на столе самсу и кимбап и доставая блокноты и рабочие тетради, Дария жалела, что рассказала Кавите и Юн-ха о Сэме. Теперь обе были уверены, что между их подругой и Сэмом что-то есть, тогда как на самом деле ничего не было. Впрочем, где-то в глубине души Дария была рада тому, что у нее есть подруги, с которыми можно поболтать о подобных глупостях. С Парвизом она говорить о Сэме не могла, потому что он мог бы подумать... подумать что-нибудь не то, тогда как на самом деле... В общем, это было бы неправильно и точно так же *неправильно* было бы рассказывать о Сэме дочери или сыновьям, потому что они тоже могли неправильно ее понять. Иными словами, она была рада, что у нее есть подруги, есть математические уравнения, над которыми придется поломать голову, есть самса и кимбап, чтобы заморить червячка после умственных усилий. И все же Дария тихонько вздохнула, прежде чем заточить карандаш и пригласить Кавиту и Юн-ха к столу.

На протяжении добрых сорока пяти минут подруги занимались математикой, отбросив посторонние мысли. Таково было их главное правило: не отвлекаться от стоящей перед ними задачи, не делать никаких перерывов, пока не будет найдено решение. Разговаривать было можно, но только о

математике. Говорить о посторонних вещах запрещалось, и все трое строго придерживались этого, потому что больше всего на свете они любили строгие математические формулы и презирали тех, кто предпочитает математике сплетни и домыслы. Именно убежденность в том, что не только математика, но и вся жизнь должна подчиняться строгим законам, сблизила их когда-то. Они любили числа, которые были строго заданными величинами, не допускавшими никаких толкований. Любили уравнения, которые нужно было решать, напрягая все свои умственные способности и призывая на помощь знания. Они набрасывали в блокнотах возможные пути решения задачи, думали, что-то вычеркивали и тут же находили другой способ получить ответ. Потом они сравнивали свои заметки и спорили о том, какое решение лучше. Дария даже купила большую маркерную доску, на которой можно было писать специальными фломастерами. Ей очень нравилось, с каким звуком скользит по доске войлочный стержень, нравилось смотреть, как возникает на белом пластике простое и изящное решение очередной математической головоломки. Когда же, закончив работу, все трое возвращались в реальный мир, ей казалось, будто все это время они плавали под водой и только теперь вынырнули на поверхность, чтобы глотнуть обычного земного воздуха.

Помимо всего прочего, математика возбуждала аппетит. Самса давала энергию, кимбап – силы, а домашняя пахлава служила прекрасным десертом к душистому горячему чаю.

В те дни, когда подруги собирались у Дарии, занятия всегда заканчивались чаем, заваренным так, как это делалось в Иране. Достоинства этого напитка признавала даже Кавита, которую Дарие стоило большого труда отучить добавлять в чай молоко.

После математики можно было разговаривать обо всем. Обычно речь заходила о мужьях и о детях. Время от времени подруги обсуждали политику. Дария и Юн-ха часто спорили, какой народ пострадал в двадцатом веке сильнее – корейцы или иранцы. Дария упоминала диктатуру, военный переворот, пытки и войну. Юн-ха утверждала, что в Корее все это было даже в большем масштабе, на что Кавита говорила: «Все это так, но разве вам довелось жить в стране, искусственно разделенной на части на основе веры в фальшивых богов организованной религии и амбиций слабоумных политиканов, единственной целью которых были власть и влияние?»

После этого Юн-ха обычно замолкала, поскольку ей было просто не под силу понять, что только что сказала Кавита. Что касалось Дарии, то она вставала, чтобы открыть окно, так как каждый раз, когда Кавита принималась обсуждать раздел Британской Индии на Индийский Союз и Пакистан, она так распалялась, что начинала багроветь и обливаться потом, и проходило совсем немного времени, прежде чем Дарие приходилось приносить ей стакан воды и полотенце, чтобы вытереть вспотевшее лицо.

Впрочем, сегодняшние «математические посиделки» завершились более или менее мирно. Подруги ограничились обсуждением неспособности своих детей как следует понять и оценить все то, что дала им Америка, ибо все они выросли в Нью-Йорке и не знали или не помнили ни бомбежек, ни настоящей нищеты.

– Наши потомки понятия не имеют, каково это – прозябать под пятой претенциозных политиканов, по капризу провидения превратившихся в принцев! – заявила Кавита.

Под влиянием математики и того, что она называла менопаузой, Кавиту иногда пробивало на злоупотребление аллитерациями. «Поразмыслить над поэтапным преобразованием простых последовательностей в параллельные по паскалевому принципу» – так она выражалась, и тогда даже Дария скребла в затылке, пытаясь понять, о чем, собственно, речь.

В конце математического вечера подруги вместе мыли посуду, и Юн-ха, которая лучше всех справлялась с самыми сложными подсчетами, подводила итоги проделанной работы, кратко и точно формулируя найденный способ решения того или иного уравнения. После этого Кавита брала свою тарелку из-под самсы, Юн-ха – контейнер из-под кимбапа, а Дария целовала их на прощание.

Когда обе уходили, Дария ощущала некую опустошенность. Ей нравились эти субботние вечера, заполненные математикой, нравилось проводить время с подругами, которые, в отличие от большинства американцев (включая Сэ-

ма), знали, что такое война и диктатура, и на своей шкуре испытали, каково это – «прозябать под пятой претенциозных политиканов».

7. Да здравствует анализ, долой самоанализ!

– Вам повезло – вы оказались в нужном месте и в нужное время. Вы умные и талантливые, и ваше будущее будет не просто обеспеченным. Оно даст вам новые возможности, и только от вас зависит, сумеете ли вы ими воспользоваться...

Мина откусила кусок жирной пиццы, которую держала в руках. Она сидела в одной из аудиторий и слушала ежемессачную лекцию декана Бейли «Вопросы и ответы во время перекуса», которую рекламировали во всех зданиях бизнес-школы.

Мина прекрасно знала, что декан Бейли вряд ли сумеет ответить на ее вопросы. Что бы он, к примеру, сказал, если бы она спросила, должна ли она бросить учебу и стать художником?.. Зато на его лекциях была бесплатная пицца.

– Когда вы окончите курс, многие из вас отправятся прямиком на Уолл-стрит, чтобы сколотить состояние. В этом нет никаких сомнений, потому что как раз сейчас экономика нашей страны на подъеме, и эта тенденция продлится еще много, много лет. Считайте, что успех вам обеспечен. Особенно плодотворной будет первое десятилетие двухтысячных. Вам предстоит стоять у руля мощнейшей экономики мира!..

Капелька жира, сорвавшись с ломтя пиццы, упала на белую блузку Мины. Проклятье! Несколько мгновений она

беспомощно смотрела, как масло впитывается в ткань.

— ...Вы добьетесь большего, чем поколение ваших отцов. Главное, не забывайте, что в этих стенах учат анализу, а не самоанализу. Оставим самоанализ для гуманитариев!

При этих словах кое-кто из студентов засмеялся, но Мина продолжала размышлять о своем (возможно, это и был тот самый самоанализ, против которого предостерегал декан, но ей было все равно). Она вспоминала все те пиццы, которые ела в пиццерии «Би энд Кей», где ее отец вымешивал тесто в течение нескольких лет после переезда в Америку, потом стала думать об обеде с мистером Дашти. «Ты заслуживаешь самого лучшего, и я просто делаю все, что в моих силах», — сказала ей в тот день мать. Мине хотелось, чтобы Дария перестала составлять таблицы и диаграммы и приглашать к чаю посторонних мужчин иранского происхождения, которых она выискивала по всем Соединенным Штатам. Этот парад женихов ей изрядно надоел, и Мина мечтала положить ему конец, но ей было ясно, что от нее мало что зависит. Когда-нибудь она, вероятно, сумеет как-то договориться с матерью, но в ближайшее время ее, несомненно, ждут новые испытания.

Пока декан Бейли продолжал расписывать блистательные перспективы фондового рынка, Мина задумчиво теребила свое коралловое ожерелье, которое лучшая подруга Бита подарила ей в последний вечер в Тегеране. Интересно, где Бита сейчас? Что с ней? Жива ли она?

В первые месяцы жизни Мины в Нью-Йорке Бита прислала ей несколько писем. В них она не без юмора рассказывала о том, что теперь во время обстрелов и воздушных налетов они всей семьей сидят в подвале и лушат горох, на чем свет ругала Саддама и упоминала о том, что на ночь ей приходится надевать боксерскую капу, чтобы не повредить зубы¹². В последнем письме, которое Мина получила от Биты, подруга описывала свою новую стрижку (каре «боб») и сожалела, что на улице ей приходится, как и остальным женщинам, прикрывать волосы платком.

Больше письма не приходили.

– ...И не забудьте: самое худшее, что вы можете сделать, общаясь с сотрудниками рекрутинговых отделов, это сначала согласиться на предложение, а потом передумать. Мы не передумываем. Никаких отказов. Никаких самокопаний. Только вперед! – сказал декан Бейли в микрофон.

Свободной рукой (в другой она по-прежнему сжимала клин остывшей пиццы) Мина быстро набросала в блокноте несколько клубничин и фигуру женщины в парандже.

Следующее занятие было посвящено финансовому анализу, и на кафедру поднялся профессор ван Хойзен с бутылкой минеральной воды в руке. За все время учебы Мине так и

¹² *Скрежет зубов по ночам* (бруксизм) – частая реакция нервной системы на потрясение, сильное эмоциональное возбуждение, высокие физические нагрузки.

не удалось понять, каким образом ему удастся угадать, кто из студентов не подготовился к занятию, и вызвать именно его. Профессор никогда не смотрел на слушателей: во время лекций его взгляд был устремлен либо на доску, либо в потолок, либо на мыски собственных ботинок. Мина очень надеялась, что сегодня чутье ему изменит: вчера она так и не успела закончить финансовый отчет.

– Итак, кто расскажет нам о методике определения стоимости капитальных активов на основе ожидаемого риска и дохода и о разнице между активами и обязательствами? – провозгласил профессор. Первым поднял руку Чип Синклер, отличник и большая задница. Слушая его перенасыщенную терминологией речь, Мина подсоединила свой ноутбук к одному из недавно установленных разъемов проводного интернета. Через пару минут она уже вошла в Сеть, и на экране появилась ее домашняя страница – сайт, посвященный масляной живописи.

Ненадолго оторвавшись от компьютера, Мина переписала в блокнот формулы, которые профессор ван Хойзен вывел на доске.

Что такое r ?	Это стоимость капитала, включая убытки. (Средневзвешенная стоимость капитала, СВСК)
СВСК (цена капитала)	Рассчитывается как средняя процентная ставка по всем источникам финансирования компании. При этом учитывается удельный вес каждого + источника финансирования в общей стоимости.
СВСК	$\text{альфа}KD + (1-\text{альфа})KE$
Дисконтированный поток денежных средств	$PV = C1/(1+r1)^1 + C2/(1+r2)^2 + C3/(1+r3)^3 \dots$

Жаль, что здесь нет Дарии, подумала Мина. Она была бы в восторге. Сейчас она сидела бы в первом ряду и тянула руку: «О, профессор, вызовите меня! Я знаю!» Дария рассказала бы ему во всех подробностях, что такое «альфаKD». Ее финансовый калькулятор трещал бы как пулемет, изрыгая метры и метры бумажной ленты, покрытой числами и формулами (Дария несколько раз говорила, что ее калькулятор – специализированный сложный прибор, по сравнению с которым обычные калькуляторы просто детские игрушки).

– Что произойдет в случае уменьшения доли прибыли в цене единицы продукта? – спросил профессор, держа перед собой бутылку с водой словно микрофон. – Будет ли

это равнозначно падению в пропасть или я просто споткнулся на небольшом ухабе? Иными словами, столкнемся ли мы со значительными убытками или ими можно будет пренебречь?

Чип Синклер снова блеснул своими познаниями, но его ответ был столь заковыристым, что Мина просто переписала с доски в блокнот очередную порцию формул.

– А как насчет конкурентов? На чьей стороне преимущество? На их или на вашей?

На экране ноутбука Мины возникло несколько картин с недавней выставки в Марблхеде. На одном из натюрмортов была изображена одинокая фарфоровая чашка. Белый и голубой цвета казались столь пронзительно-чистыми, что она скопировала себе бренд производителя использованных автором красок, хотя и не бралась за кисти всерьез, наверное, с тех пор, как окончила колледж, то есть уже очень давно. Так, во всяком случае, ей казалось.

– Насколько надежны ваши источники дополнительного финансирования? Что они предпримут, если вы столкнетесь с трудностями? Предпочтут ли они ликвидировать вас или поспешат на помощь?

Полуприкрыв глаза, Мина попыталась представить воздушно-голубой купол мечети рядом с домом ее бабушки в Тегеране. Интересно, каково было бы туда вернуться?.. В поисковой строке на экране компьютера она напечатала: «Тегеран». Поисковик выдал довольно много снимков университетов и примечательных городских зданий, но ни одно из них

Мина не узнала. В какой университет пошла учиться Бита? И пошла ли вообще? Заставляют ли ее встречаться с «мистерами Дашти»? А может, она уже вышла замуж и родила нескольких детей?

– Насколько лояльны ваши кредиторы? – спросил профессор ван Хойзен. – Не покинут ли они вас в самый ответственный момент?

Мина продолжала перелистывать фотографии на экране. Она уехала из Тегерана пятнадцать лет назад. В последнее время она часто думала, что будет, если она вернется. Увидит ли она то, что до сих пор хранила ее память, или этих домов и садов давно нет?

Какая-то девушка в кашемировом кардигане из верблюжьей шерсти, сидевшая на несколько рядов ниже, барабанила по клавишам своего ноутбука с такой силой, словно от этого зависела ее жизнь. Крупный рыжеволосый парень рядом с Миной прилежно писал в блокноте.

– Чем выше степень покрытия расходов доходами, тем больше ваша заинтересованность в высокой прибыли. – Профессор написал маркером на доске еще несколько формул, и часть студентов с воодушевлением закивали: им было понятно. Мина тоже кивнула, но вовсе не потому, что разобралась в проблеме. У нее появилась интересная мысль, которую стоило обдумать. Если она вернется в Иран, она, возможно, сможет разобраться, что представляла собой ее семья, чего она лишилась и что приобрела в результате Рево-

люции, войны и других событий. Но главное, эта поездка помогла бы ей избавиться от ощущения, которое Мина определила бы как «оторванность от корней». Там, в стране, которая была ей почти чужой или, по крайней мере, незнакомой, она смогла бы «обрести себя». Во всяком случае, именно к этому стремились герои всех книг об эмигрантах, которые ей приходилось читать.

Что такое «обрести себя», Мина представляла не очень хорошо, поэтому для начала она решила ограничиться более конкретными задачами.

К примеру, она сможет повидаться с Битой и узнать, как ей жилось все это время.

А что, отличный план!

– При каких условиях задолженность начинает отрицательно влиять на текущие операции? – поинтересовался профессор у своих ботинок. – Мисс Резайи, просветите нас, пожалуйста!..

Услышав свое имя, Мина вздрогнула. Сидящие впереди студенты как по команде обернулись и уставились на нее. Что отвечать, она понятия не имела. В панике Мина сунула руку в рюкзак в поисках калькулятора. Проклятье! Куда он задевался? Ноутбук тупо смотрел на нее радужными спиралями скринсейвера, и Мина схватила блокнот. Его страницы были исписаны формулами, которые она скопировала с доски, изрисованы фигурами женщин в чадрах и ягодами клубники, а внизу была крупными буквами написана марка

краски, которую художник из Марблхеда использовал в своей картине.

Профессор ван Хойзен подул в горлышко своей почти пустой бутылочки, и та глухо загудела.

Краска бросилась Мине в лицо, подмышки мигом вспотели. Чип Синклер и еще несколько студентов подняли вверх руки.

– Мисс Резайи?..

Крупные капли пота выступили у нее на лбу. Ну почему, почему она не слушала?!

– Мы ждем, мисс Резайи.

Но Мина не могла ответить на заданный вопрос. Машинально она нажала на клавишу ноутбука, и скринсейвер включился, но на экране были только фотографии Тегерана.

Профессор ван Хойзен слегка притопнул ногой.

– Мисс Резайи, я не могу ждать до скончания века! Если вы внимательно следили за тем, что происходит в классе...

Внизу экрана замигала маленькая иконка.

– Проверь почту! – шепнул ей рыжий сосед.

Мина кликнула почтовый ящик. В нем оказалось с полдюжины новых сообщений, а через секунду она получила еще столько же. Открыв одно из них, она увидела набранный заглавными буквами ответ на вопрос профессора, включая соответствующую формулу. Мина кликнула другое сообщение. То же самое! Однокурсники дружно слали ей правильный ответ.

– Что же вы молчите? – профессор слегка повысил голос. Экран перед глазами Мины дрогнул и расплылся.

– Вы можете ответить на вопрос?

– Да, – сказала Мина. – Могу. Я знаю, как рассчитать максимально допустимый размер задолженности относительно текущих издержек и общего капитала. Ответ здесь, передо мной.

Рыжий сосед чуть слышно вздохнул с облегчением.

– ...Но я все равно не понимаю, почему такая величина издержек влияет на операции, потому что не разобралась в теме. Я не читала учебные материалы.

В аудитории воцарилась потрясенная тишина. До сих пор ни один студент не посмел бы признаться, что не читал учебные материалы, подготовленные профессором ван Хойзеном лично. На его занятиях вообще не было принято говорить, что ты чего-то не знаешь. Кто-то притворялся, будто разбирается в материале, кто-то ночами зубрил заковыристые формулы наизусть, потому что только достаточно высокие оценки по курсу финансового анализа гарантировали карьеру в крупном инвестиционном банке или консалтинговой фирме. Начальная зарплата минимум сто тысяч, плюс подъемные, плюс льготы и премии... Все это Мине было известно – лекции декана Бейли она помнила чуть ли не дословно. Бизнес-школа, в которой она училась, предназначалась для «самых умных и талантливых». Она готовила финансистов высшего класса, двухтысячные – урожайные двухтысяч-

ные – были не за горами. Ничто не должно было помешать молодому человеку или девушке получить соответствующее образование, чтобы впоследствии вскарабкаться на вершину успеха. Диплом магистра делового администрирования – козырный туз в борьбе с конкурентами. Успех обеспечен. Любые сомнения и колебания исключаются. Только труд, упорный труд – и ты будешь вознагражден.

– Так-так... – проговорил наконец профессор. Он, похоже, был не на шутку озадачен.

– Откровенно говоря, я вообще не понимаю, что я здесь делаю, – добила его Мина. – Это просто не мое...

Еще несколько студентов обернулись, чтобы взглянуть на нее. Профессор оторвал взгляд от горлышка бутылки и – невиданный случай! – уставился на нее, чуть прищурив глаза. Теперь, когда он поднял голову, его лицо казалось на удивление маленьким, словно у какого-то гнома. В наступившей тишине был отчетливо слышен ход настенных электро-часов.

– Ну что ж, мисс Резайи, – проговорил наконец ван Хойзен. – Я тоже не знаю, что на самом деле ваше, а что – не ваше, однако для меня совершенно очевидно, что в последние четверть часа или около того вы были не с нами... – Он слегка откашлялся. – С другой стороны, и в бизнес-школе, и в жизни лучшая политика – честность. Прошу всех иметь это в виду. А теперь давайте разберем эту проблему еще раз, чтобы каждый из вас мог найти правильное решение, пони-

мая, что делает, а не механически подставляя в формулу те или иные значения.

Чип Синклер театрально застонал, но несколько студентов, которых слова профессора неожиданно воодушевили, подняли руки и стали задавать вопросы, из которых можно было понять, что Мина была здесь отнюдь не единственной, кто не сумел разобраться в теории. Девушка в кашемировом кардигане даже подмигнула Мине и показала поднятые вверх большие пальцы. Мало-помалу все снова погрузилось в работу: щелкали клавиши ноутбуков, шуршали по бумаге карандаши, стрекотали калькуляторы.

Мина тоже постаралась сосредоточиться. Она заносила в блокнот строчку за строчкой, пытаясь понять, что пишет, старательно пробиваясь к правильному решению. В какой-то момент Мина неожиданно поняла, что чувствует себя лучше, чем когда-либо. Она осознала, что финансовый анализ ей вполне подвластен, стоит только быть чуточку внимательнее. С другой стороны, она была вовсе не обязана превращать его в главное дело своей жизни. Вот только как узнать, что является этим «главным делом»?.. Мине давно казалось, что какая-то часть ее души до сих пор витает над страной, которую она покинула пятнадцать лет назад. Что, если культура и история, которые так дороги ее родителям, все еще там, пусть они и погребены под пылью, обломками зданий и осколками бомб? Что, если ей удастся к ним прикоснуться? Что, если она увидит своими глазами, что имела в

виду Дария, когда говорила – ей хотелось бы, чтобы у дочери было то же, что и у нее? Мина всегда мечтала лучше узнать прежний Иран – тот, в котором выросла ее мать, а не тот, из которого сама она была вынуждена бежать. Что ж, быть может, у нее и получится отыскать свою утраченную страну, если она вернется туда уже взрослой.

Декан Бейли обещал, что все они отправятся на Уолл-стрит. Но сначала она должна побывать в доме номер 23 на Такеш-стрит в Тегеране. И если получится, она возьмет его частицу с собой сюда.

8. Короткий дефис

Огни уличных фонарей отражались в реке, и единственным, что слышала Мина, был приглушенный шум уличного движения, доносившийся с Драйва. Пробегая трусой по дорожкам Риверсайд-парка, она вспоминала пухлые, с перетяжечками пальцы мистера Дашти, в которых он держал стаканчик с чаем, и выражение неуверенности, которое появилось на его лице, когда они случайно посмотрели друг дружке прямо в глаза. Да, он был очень похож на всех других мужчин: он был хорошо образован, вежлив, опрятен, но в тот раз Мине почудилось что-то еще. Возможно, это было совершенно отчетливое *облегчение*, которое отразилось на его лице, когда стало ясно, что никакая искра между ними не пробежала и вряд ли пробежит. Кроме того, ей показалось, что навязчивое сватовство (не сказать ли – сводничество?) близких и дальних родственников было ему глубоко противно. Бедный мистер Дашти! Он угодил в ту же ловушку, что и она!

Мина достигла конца грунтовой дорожки и побежала по асфальтированной. Как лучше сказать родителям о своем решении побывать в Иране? Несомненно, они испугаются за нее, за ее безопасность. Она покинула страну пятнадцать лет назад. Что, если ее объявят американской шпионкой и арестуют? Политическая обстановка в Иране оставалась

непредсказуемой, там с ней действительно могло случиться все что угодно, и все же Мина знала, что должна ехать. Ей очень хотелось знать, как живет ее бабушка Ага-хан и кто готовит ему еду теперь, когда не стало бабушки. Она хотела бы поговорить с ним, напеть ему старые песенки Гугуш¹³, почитать стихотворения великого Руми. Кроме того, Мина мечтала найти Биту. Что-то она сейчас поделявает, ее лучшая подруга детства?.. За полтора десятилетия Мине почти удалось выбросить из памяти тот, старый мир, затолкать его в самый темный и пыльный чулан, как она спрятала под своей старой кроватью в доме родителей свои ранние картины, уложенные в пластиковые коробки. Да и времени на рефлекссию – на «самоанализ», как выразился бы декан Бейли, – у нее просто не оставалось. Ей было некогда думать, вспоминать о том месте, где ее мать росла «среди своих», – для этого Мина была слишком занята: она строила новую жизнь, создавала новую среду, прилагала усилия, суежилась, спешила.

Закончив пробежку, Мина немного потренировала пару ударов ногой, которым еще в детстве научили ее братья. С тех пор прошло много лет, но эти удары ей очень нравились, и она повторяла их при каждой удобной возможности. Вот и сейчас она подняла согнутую ногу и, чуть откинувшись назад, резко выпрямила ее в колене, представляя себе, как по-

¹³ *Гугуш* – иранская певица и актриса. В 1970-х гг. была одной из самых популярных певиц и актрис Ирана. Хорошо известна также в Турции, Закавказье, США и Центральной Азии.

ражает Брюса Ли в коленную чашечку или в пах – «сокровенное местечко», как называл его Кайвон. Главное, не бойся, говорил он. Не бойся и бей со всей силы. И Мина снова и снова наносила удары воображаемому противнику, потом прыжком поменяла позицию, чтобы потренировать другую ногу.

Вернувшись домой, она приняла душ и легла в постель, но сон не шел. Она конечно, сошла с ума, если твердо решила ехать в Иран. Что, если она не сможет вернуться?.. Что тогда будет с ее родителями?

Некоторое время Мина вертелась с боку на бок, потом не выдержала и включила телевизор. Показывали какое-то ночное ток-шоу. Ведущий в дорогом костюме высмеивал президента, аудитория то и дело разражалась хохотом или принималась аплодировать. Мине до сих пор бывало не по себе, когда американцы начинали критиковать своего лидера. Здесь, впрочем, им это сходило с рук, но в Иране правила были совершенно другими... А ведь именно туда она собиралась!

Надо позвонить брату, решила она.

– Как прошел обед с очередным ухажером? – спросил Кайвон.

– Кошмарно. Впрочем, как и всегда. Я не знала, куда деться от стыда, да и он тоже... Надо это как-то прекратить, иначе я просто не выдержу, – пожаловалась Мина.

– Не переживай, сестричка. Маме это скоро надоест, и она

найдет себе другое занятие. Эта ее затея с таблицами и баллами – это же курам на смех!

– Я знаю. – Мина вздохнула. Разговор с Кайвоном немного ее успокоил – она всегда была ближе к нему, чем к Хуману. Возможно, это получилось из-за разницы в возрасте – Кайвон был старше ее на три года, а Хуман – на шесть, но, скорее всего, причина крылась в другом. Ее братья были слишком разными: Кайвон отличался добродушием и оптимизмом, граничившим с беззаботностью, и всегда умел рассмешить Мину, да и любого другого человека тоже, находя смешные стороны в самых серьезных ситуациях. Хуман же был более серьезным и даже немного мрачноватым, что, впрочем, не мешало ему оставаться внимательным и любящим сыном и братом. К сожалению, теперь, когда он работал врачом, служебные обязанности оставляли ему не слишком много времени для разговоров по душам, к тому же он был женат, и семейные заботы поглощали весь его досуг.

– Но ведь она не подыскивала невест ни тебе, ни Хуману! – сказала Мина. – Не так ли? Хуман женат на американке, и он нашел ее сам. Твоя подружка тоже из Бруклина. Почему я одна должна выйти замуж непременно за идеально-го иранца? Это... это какие-то двойные стандарты, тебе не кажется?

– Ты – мамина любимица, – рассмеялся Кайвон. – Естественно, ей хочется устроить тебя получше. Она хочет видеть тебя счастливой. У нее это что-то вроде навязчивой

идеи.

– Разве мало того, что я учусь в бизнес-школе? Знаешь, Кайвон, я много думала, и у меня появилась одна мысль. Я бы хотела...

– Только не начинай сначала! – перебил Кайвон. – Ты сама знаешь, что профессия художника не для тебя. Не в том смысле, что ты не сможешь стать хорошим художником, просто... Нам в нашем положении нужно что-то более реальное. Более надежное... В общем, не зацкливайся на этом. В детстве у каждого из нас была своя мечта, я, например, мечтал стать профессиональным футболистом, а стал юрисконсульт по контрактам. Такова жизнь, сестричка. Нам всем приходится делать выбор, без этого не обойтись, но ты не переживай. Сама увидишь, все обернется к лучшему. А теперь – спокойной ночи.

И прежде чем Мина успела рассказать брату о своем желании посетить Иран, он попрощался и повесил трубку.

Вот и надейся после этого на любимого братишку!.. Вздыхнув, Мина подошла к столу и взяла в руки фотоальбом, который достала из шкафа перед пробежкой. Это был единственный альбом с семейными снимками, сделанными еще в Иране. Везти его с собой было рискованно, но Дарие, к счастью, пришло на ум спрятать свои фото за фотографиями детей, чтобы на таможне их не конфисковали, потому что на них она была без хиджаба. Снимок в бикини она засунула за фотографию Хумана, сидящего на детском высоком

стульчике, снимок в саду, где она смеялась, держа под руку Парвиза, и ее длинные волосы развевались на ветру, Дария спрятала под фотографией Кайвона, играющего в футбол. Что касалось ее студенческих фотографий, на которых она была запечатлена с книгами в руках, в шелковой блузке и развевающейся юбке, то они были спрятаны под снимками детских рисунков Мины.

Этим альбомом Мина особенно дорожила. Он связывал ее с прошлым, которое с годами представлялось все более сказочным. На снимках она узнавала ту мать, которую знала когда-то. Тогда ее волосы были черными, а не рыжими, а в карих глазах светились радость и надежда. На снимках Дария выглядела счастливой, уверенной в себе, а не усталой и чужой. Она носила жакеты а-ля Джеки Онассис и шляпки-«таблетки», ничем не напоминая располневшую иммигрантку из Квинса. Вот Дария возле фонтана – черные волосы развеваются, а из коляски выглядывают крошечные головы Кайвона и Хумана. Вот она в Лондоне, машет фотографу с верхней палубы красного двухэтажного автобуса. Вот они втроем в Стамбуле, на фоне Святой Софии. В те времена им не нужны были визы – тогда мир еще не считал каждого иранца опасным террористом.

Перевернув страницу, Мина долго разглядывала одну из самых своих любимых фотографий: Дария на больничной койке прижимает к себе новорожденного младенца, плотно закутанного в связанное Меймени одеяльце. Это было ее

первое фото с матерью, и она часто его разглядывала, но только сейчас Мина обратила внимание, какое у Дарии усталое и счастливое лицо.

Здесь, в Америке, Мина почти забыла, какими были ее родители, братья и она сама много лет назад. Воспоминания о прежних Дарие, Парвизе, Кайвоне и Хумане с каждым годом бледнели, пока в конце концов все они не превратились в персонажей давно прочитанной книги, живших в незапамятные времена в выдуманной стране.

«Мы обязательно вернемся, – часто говорил отец, наглаживая свой поварской фартук, чтобы идти на работу в пizzerию. – Пусть только все уляжется. Эта Революция – не может быть, чтобы это было надолго».

«Ты говорил то же самое год назад», – возражал Хуман, мрачно глядя в свою тарелку с овсянкой на воде, а Мина вспоминала о голубом чемоданчике, который лежал под кроватью словно в ожидании, пока она сложит в него свою одежду и краски и они поедут назад к Бите, Ага-хану, тете Ники и другим родственникам и друзьям.

Ведущий телешоу выдал свою кульминационную шутку, и платные зрители разразились оглушительным смехом, который рывком вернул Мину к действительности. Все еще не совсем придя в себя, она уставилась на экран. Какая-то молодая женщина громко хлопала в ладоши и трясла волосами. Полные мужчины в бейсболках свистели и улюлюкали. Что она пропустила? Что такого смешного сказал ведущий? Ин-

тересно, подумала она, что будут делать все эти люди, сидящие в хорошо кондиционированной телестудии в Калифорнии, когда шоу закончится? Отправятся в ближайший бар, сядут на обтянутые кожей стулья и закажут напитки? Мина знала наизусть много стихов старых персидских поэтов – Саади, Руми, Хафиза и других, но не могла бы назвать ни одного модного коктейля, кроме разве что «Кровавой Мэри», о котором читала в какой-то американской книге. Ей приходилось, правда, бывать в барах, но там она чувствовала себя крайне неудобно. Отец и мать считали американскую барную культуру некрасивой, и им не хотелось бы, чтобы их дочь сидела на крошечном стульчике, болтая в воздухе ногами. Да и сама Мина отнюдь не стремилась приобрести привычку ходить в бар по любому поводу и без. Куда больше ее интересовал вопрос, как сохранять равновесие, балансируя на короткой черточке дефиса в слове, которое одновременно и определяло, и отрицало самую ее сущность. Ирано-американка. Она не чувствовала себя ни тем, ни другим, ее место было посередине, то есть на том самом дефисе, небуквенном орфографическом значке, который в одних справочниках назывался соединительным, а в других – разделительным. Только там Мина могла сохранять память и о стране, в которой появилась на свет, и о своей новой родине, где ей непременно нужно преуспеть. Дефис был тонок, словно натянутый под куполом цирка канат, и так же коварен, однако она знала, что ей придется учиться сначала сидеть на

нем, как на барном табурете, потом стоять, а затем и ходить по нему подобно акробату, балансируя между двумя частями нелепого слова, обозначающего несуществующую национальную принадлежность.

Но для того, чтобы прыгнуть с этого каната и вернуться в Иран, ей необходимо было преодолеть немало серьезных препятствий. Во-первых, Мине предстояло оформить все необходимые бумаги и визы и надеяться, что, несмотря на страшные истории о том, как вернувшихся на родину иранских иммигрантов заключали в тюрьмы, ей подобная участь не грозит. А во-вторых – и в главных, – Мина должна была как-то убедить своих родителей в том, что провести зимние каникулы в Тегеране – это по-настоящему блестящая идея.

9. Кафе за углом

– Как насчет по кофейку? – спросил Сэм.

– Что-что? – отозвалась застигнутая врасплох Дария.

– Не хочешь выпить после занятий по чашечке кофе? –

Сэм слегка пожал плечами. – Нужно же как-то отметить наш переход на продвинутый уровень.

Дария видела, что он пытается ее рассмешить, старательно копируя их преподавательницу. Его и самого очень веселило, когда Дария протяжно вздыхала посреди урока, стоило Миранде Катилле сказать или сделать что-нибудь достаточно нелепое. В этих случаях он обычно сдавленно хихикал в кулак, и Дарие казалось, что в эти минуты они оба ведут себя подобно расшалившимся подросткам. А еще ей казалось, что в ее жизни появилось что-то новое, хотя по трезвом размышлении она с неизбежностью приходила к выводу, что ни на что новое ей надеяться уже не приходится. Чего можно ждать в таком возрасте? Разве что приступа подагры или артрита.

– Я знаю поблизости одно приличное кафе. Оно совсем рядом, буквально за углом, – продолжал Сэм. – И если ты...

– Если его название начинается со «Стар...» и заканчивается на «бакс», то мне это не подходит, – перебила Дария. Она не хотела быть грубой, однако ей была очень не по душе американизация отличного итальянского кофе, превра-

тившая последний в откровенно коммерческий продукт, который нельзя было пить, а только «употреблять».

Сэм рассмеялся.

– Нет, оно называется не так. Это маленькое семейное предприятие, и кофе там очень приличный. Кстати, там подают и другие напитки – например, горячий шоколад и чай с травами.

Дария задумалась. Дома ее ждал Парвиз, и если она придет позже обычного, ей придется все ему объяснять. Но что она скажет?.. Что американский Сэм пригласил ее на свидание?.. Неужели она действительно до этого дошла?

– Мне... мне нужно позвонить мужу, – сказала она наконец. – Я должна предупредить его, что задержусь.

– Конечно, звони! – кивнул Сэм. Казалось, его ничто не проймет, он был спокоен и благодушен как тюлень. Неужели все американцы такие?

В будке платного телефона на бульваре Квинс было холодно, к тому же у Дарии не оказалось четвертака, и Сэм, порывшись в кармане джинсов, протянул ей монетку. Чувствуя, что краснеет, Дария быстро опустила глаза, но деньги взяла. Через несколько секунд она услышала в трубке густой бас Парвиза:

– Алло?

– Парвиз-джан, это я, – быстро сказала она на фарси. – Я сегодня немного задержусь. Ребята с курсов решили пойти в кафе, чтобы отметить наши, гм-м... успехи.

Пока она говорила, Сэм ждал снаружи. От холода он слегка приплясывал и потирал озябшие руки.

– Это же замечательно, Дария-джан! Я очень рад, что у тебя появились новые друзья. Помнишь, я тебе говорил, что так и будет? Конечно, сходи с ними в кафе, а я за тобой заеду. Я не хочу, чтобы ты возвращалась домой слишком поздно одна.

– Нет, нет, не надо за мной заезжать!

– Ты моя жена, и я не могу допустить, чтобы с тобой что-то случилось. К тому же на улице холодает... В общем, решено: я подъеду в... к которому часу? В половине десятого будет не слишком рано? Тебе и твоим друзьям хватит времени? И кстати, куда вы пойдете? В «Старбакс», вероятно?.. В общем, в девять тридцать я заеду за тобой в «Старбакс».

– Хорошо, – нехотя согласилась Дария. Парвиз постоянно ее опекал, и она не стала настаивать на своем, потому что знала, что он действительно будет волноваться, к тому же у нее отчего-то кружилась голова, и она так и не смогла отыскать какие-то другие доводы и аргументы.

Сэм взял себе какой-то кофе, название которого состояло примерно из шести итальянских слов. Вероятно, это был хитрый маркетинговый ход, потому что в противном случае на этот кофе никто бы не польстился. Когда Дария сказала, что им лучше все-таки пойти в «Старбакс», потому что на этом настаивает ее муж, который обещал заехать за ней в

девять тридцать, Сэм нисколько не расстроился. Он только кивнул и сказал: «Отлично!», и она подумала, что этот американский гитарист умеет держаться с достоинством.

Для нее он заказал чай, и ей пришлось приложить немало усилий, чтобы не показать своего отвращения при виде мешочка с чайной трухой, плававшего в чуть теплой воде. Зато им достался столик у окна, и Дария почувствовала себя так, словно они оба оказались внутри какого-то романтического фильма. «Это же просто кофе. Это просто чай. И мы – просто знакомые, которые после занятий решили зайти в кафе. Скоро за мной придет Парвиз», – твердила она себе, но заглушить голос совести не могла.

Сэм тем временем засыпал ее вопросами. Он расспрашивал ее о детях, о жизни в Иране, о том, почему они уехали, и даже о шахе. Он хорошо разбирался во многих вопросах, и Дария решила, что Сэм, наверное, много читает – и не только газеты. Например, он сказал, что его любимый поэт – Омар Хайям и что ему очень нравятся персидские блюда, которые он пробовал много раз. «Они очень вкусные, а главное – они *настоящие*, если ты понимаешь, что я хочу сказать».

Она понимала.

– Да, они настоящие, – сказала Дария, чувствуя, что его клетчатая рубашка нравится ей все больше и больше. И она ничего не могла с собой поделать, хотя и чувствовала себя немного виноватой от того, что эта рубашка так сильно на нее действует. Одновременно Дария спрашивала себя, когда

появится Парвиз (он имел обыкновение приезжать заранее), и гадала, почему она сказала ему, что пойдет в кафе с «друзьями», а не с «другом». Что скажет муж, когда увидит, что, кроме Сэма, никаких «ребят с курсов» в кафе нет, волновалась она и в то же время удивлялась тому, насколько к месту оказался заказанный Сэмом чай. Почему-то ей казалось – тот факт, что она сидит в американском кафе и пьет не кофе, а чай (пусть чуть теплый и противный), в какой-то степени реабилитирует ее в глазах мужа.

Потом она с неожиданной холодной трезвостью спросила себя: может, это и означает «развлекаться»? Сидеть в сетевом кафе с женщиной и слушать, как он называет персидские блюда «настоящими»?.. Почему она не делала ничего подобного раньше? Потом ей пришли на ум таблицы: строки, столбцы, ячейки... Нет, нельзя встречаться с Сэмами и оставаться женой Парвиза. Это неправильно, и ничего хорошего из этого не выйдет.

Отворилась входная дверь, и по залу пронесся ледяной сквозняк. Дария подняла голову. На пороге стоял Парвиз в теплом пальто, шерстяной шапочке и шарфе, которые связала ему Меймени (и шапочка, и шарф были бело-розовыми, как турнепс), и оглядывался по сторонам. Вот он заметил Дарию...

– Алло! Привет! – воскликнул Парвиз довольно громко. При этом он продолжал разглядывать столики, стоявшие ближе всех к ней с Сэмом, явно высматривая остальных «ре-

бят с курсов».

Сэм обернулся на голос и на мгновение застыл при виде тепло укутанной фигуры. Парвиз и в самом деле выглядел как персонаж какого-то рождественского гимна, и Дария почувствовала себя немного неловко, но в то же время ей хотелось защитить мужа. Застывший в дверях Парвиз действительно выглядел несколько растерянным.

Он, впрочем, быстро взял себя в руки и, подойдя к их столику, протянул Сэму руку.

– Парвиз Резайи! – почти прокричал он, и Дария спросила себя, постарается ли он сжать ладонь Сэма как можно сильнее, как рекомендовали его кассеты.

– Сэм, – сказал Сэм и добавил после едва заметной паузы: – Сэм Коллинз.

Парвиз посмотрел на него, на жену, снова перевел взгляд на Сэма.

– Вы позволите мне присесть?

– Разумеется. – Сэм поднялся и принес от ближайшего столика третий стул.

Дария смотрела на обоих и не могла найти подходящие слова. Вот Парвиз. Вот Сэм. Это – жалкий чайный пакетик, который плавает в чуть теплой воде, а это – теплый шарф, связанный ее матерью для зятя, которого та обожала. Парвиз его почти не носил, но сегодня почему-то надел. Почему?

– Я знаю, что приехал слишком рано. – Парвиз посмотрел на жену. – Я просто подумал – вдруг нужно будет подвезти

кого-то из твоих друзей...

Дария посмотрела на человека, женой которого она была больше тридцати лет, и почувствовала, как горят от стыда уши.

– Сегодня нас только двое, – проговорила она наконец.

– Я вижу. – Парвиз улыбнулся, явно через силу.

«Это только кофе. Только чай. Больше ничего!» – твердила себе Дария словно заклинание, и ей казалось, что Парвиз тоже должен это понять. И все же на несколько мгновений она почувствовала себя отрезанной, отсеченной от мужа и его любви, и этого оказалось достаточно, чтобы Дарие захотелось повернуть время вспять – чтобы принять другое решение и вовсе сюда не приходить.

Все дальнейшее происходило в полном соответствии с традиционным персидским этикетом: Парвиз не мог бы им пренебречь ни при каких обстоятельствах. Он даже отстоял небольшую очередь и заказал себе гигантскую порцию совершенно неудобоваримых калорий, закамуфлированных под кофе со взбитыми сливками. Что касалось Дарии, то окончательно остывший чай вызывал у нее только отвращение. Сэм, которого появление Парвиза поначалу выбило из колеи, снова обрел свое хладнокровие и выглядел спокойным и расслабленным. Да и как мог Парвиз кому-то не нравиться? Он был по-настоящему добрым человеком, который физически не мог плохо думать об окружающих, и его любили буквально все – начиная с его пациентов и заканчи-

вая почтовыми работниками, которые не улыбались никогда и никому, но для Парвиза даже они делали исключение. К Сэму он тоже отнесся тепло и с уважением, хотя видел его впервые в жизни. «Говори с человеком о том, что интересно ему» – это правило он считал универсальным для налаживания нормального общения, и сейчас Парвиз засыпал Сэма вопросами о курсах, о его работе, о музыке. Можно было подумать (так, во всяком случае, показалось Дарие), что Сэм был одним из тех потенциальных женихов Мины, данные которых она вносила в свои таблицы. Возможно, дело и впрямь было в том, что Парвиз настолько привык разговаривать с кандидатами в зятья, что мог вести непринужденную беседу с любым незнакомым мужчиной. Вот только Сэм не был ухажером Мины, и они оба это прекрасно понимали. Ситуация была совершенно иной, о чем свидетельствовала легкая, но ощущаемая всеми троими аура неловкости, повисшая над столиком. Да, они болтали, смеялись и прихлебывали кофе с таким видом, словно ничего необычного не происходит, но это было не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.